

В. Болдырев

ПОГОНЯ
ЗА НЕВИДИМКОЙ

Сканирование: [Esce Homo](#)
Обработка: [krestik](#)

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1961

В. Болдырев

ПОГОНЯ ЗА НЕВИДИМКОЙ

САРАТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Необычайными приключениями, удивительными встречами, суровыми испытаниями полна жизнь путешественника. И рассказы этой книги «Погоня за невидимкой», «Трубка и кисет», «Полуостров загадок» не выдуманы. В основе их лежат действительные события, участником и свидетелем которых был автор — биолог и географ, проводивший двадцать с лишним лет в экспедициях на дальнем севере Сибири.

Болдырев Виктор Николаевич

ПОГОНЯ ЗА НЕВИДИМКОЙ

Редактор *Т. Халилова*

Художник *В. С. Успенский*

Художественный редактор *П. Карчевский*

Технический редактор *В. Лукашевич*

Корректор *Е. Черняк*

*

НГ00007. Подп. к печ. 7/II 1961. Тираж 15 000.
Бумага 84×108 1/32. Бум. л. 1,062. Печ. л. 3,485. Уч.-изд. л. 3,54. Цена 11 к.

*

Саратовское книжное издательство, Вольская, 81
Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата. Заказ 3784

ПОГОНЯ ЗА НЕВИДИМКОЙ

то разглядывает человек, сгибаясь в три погибели, на мшистой тундре у пустынной границы леса?

Вот он вытаскивает из полевой сумки лупу и, прикивая к увеличительному стеклу, тщательно осматривает пень спиленного дерева. Человек громко считает, быстро записывает в блокнот столбики цифр, поднимается и, подхватывая ручную пилу, шагает дальше, проваливаясь по колено в пухлый, влажный тюфяк мхов.

Выбирая лиственницу потолще, он оглядывает редкую растительность северной тайги на рубеже бесконечной равнины Большеземельской тундры. И опять его рука неумоимо пилит искривленное ветрами дерево.

Кто он и зачем пилит деревья вдалеке от людских поселений?

Лицо, шея и плечи странного лесоруба прикрыты черным тюлем накомарника, брезентовую куртку перетягивает туго набитый патронташ, а вылинявшие брюки заправлены в высокие болотные сапоги. Бинобль и фотоаппарат свидетельствуют о любознательности пильщика.

Еще одна лиственница с жалобным стоном рушится, подминая сучьями зеленую подстилку мха.

Откинув накомарник, человек всматривается в смо-

листый свежий спил, поспешно достает камеру, раздвигает треножник и, не замечая обжигающих комариных укусов, фотографирует пень.

А где же ружье путешественника?

Оставлено на биваке в палатке. Вместо ружья — в руках хорошо выточенная пила.

Палатка белеет у двух лиственниц на берегу круглого озера. Там стоит летняя легковая нарта и густо дымит дымокур. Вокруг дымового костра сбились ездовые олени. Рядом устроился проводник — старый ненец с красным обветренным лицом, одетый в суконную камлейку. Он палит дымокур и варит в котелке обед — утку, подстреленную на озере.

Иногда старик взбирается на передок нарты и беспокойно глядит из-под руки туда, где его спутник пилит деревья.

— Однако совсем ум потерял... — бормочет старый следопыт и, мягко спрыгивая с нарты, вновь устраивается у костра и долго дымит обгорелой трубочкой.

Кто же все-таки этот странный пыльщик?

Не удивляйтесь, он — бактериолог.

Николаевский — исследователь незримого мира тундры. Ему нужно заглянуть в прошлое и прочесть страницу-другую летописи природы.

Ширина годичных колец древесины неодинакова. В прохладное, влажное лето образуются широкие кольца, в сухое, знойное — узкие. Двигаясь вдоль границы леса, Николаевский внимательно исследует срезы стволов. Перед ним, словно в чудесном зеркале, возникают картины прошлого Большеземельской тундры. На срезах старых деревьев широкие годичные кольца внезапно сменяются узкими, затем появляются снова.

Николаевский пересчитал эти кольца и начертил волнистую кривую чередования знойных и прохладных лет в Большеземельской тундре. За длительный период такие данные нельзя было получить на метеорологических станциях, которые в тундре основаны совсем недавно.

Не из простого любопытства понадобилось ему заглянуть в прошлое Большеземельской тундры.

Повальная болезнь косила северных оленей в Заполярье. Эпидемия вспыхивала внезапно в самое жаркое время года. Заболевшие животные хромали: у копыта

быстро росла опухоль, превращая поврежденную конечность в грушевидную тумбу. Истощенные олени погибали с признаками острого заражения крови. Жители тундры окрестили губительную хворь «копыткой».

Экспедиции бактериологов бороздили тундры советского и американского Севера в поисках невидимых микробов. Биологи обследовали почву, растительность, воду тундровых болот, озер и речек, воздух, а также жалящих насекомых: слепней, комаров, клещей. Но возбудителей эпидемии не обнаружили.

Куда запропастились смертоносные микробы копытки, отчего заболевают олени в тундре?

Возглавив один из бактериологических отрядов, Николаевский решил ответить на эти вопросы. Надолго покинув семью, институт, кафедру, бактериолог устремился на Север в погоню за невидимками.

Вычертив волнистую кривую чередования сухих и прохладных лет, Николаевский отправился в Нарьян-Мар и углубился в местные не очень богатые архивы.

Разбирая пожелтевшие бумаги, он нашел новые, интересующие его данные, и на миллиметровой бумаге появилась новая волнистая линия, отразившая вспышки эпидемии копытки в Большеземельской тундре за последнее столетие. Пользуясь астрономическими справочниками, Николаевский вычертил также кривую изменения активности солнца.

Изгибаясь, эти три линии почти повторяли одна другую. Сильнейшие вспышки губительной эпидемии приходились на годы с жарким комариным летом. А такие годы в тундре почти всегда наступали в период наивысшей активности солнца.

Чутье исследователя не обмануло бактериолога — найден был первый след, оставленный невидимкой.

Жаркое комариное лето... где же искать микробов и почему они не причиняют вреда в прохладное лето?

Захватив походную микробиологическую лабораторию, Николаевский отправился на «поле битвы», в оленьи стада, растянувшиеся вереницей на летних пастбищах вдоль побережья Большеземельской тундры.

Гостеприимно встречали в оленеводческих бригадах «человека, срубающего дерева». Николаевский был не только бактериологом, но и опытным ветеринарным врачом, отлично лечил заболевших оленей, делил горести

и радости кочевой жизни с оленеводами и вскоре стал уважаемым человеком в тундре.

Лето было душное, знойное и комариное. Копытка свирепствовала во многих стадах. Объезжая их, Николаевский обратил внимание на странное обстоятельство: эпидемия вспыхивала часто не там, где ее ждали ветеринарные врачи.

Местные ветеринары, вспоминая недавний подвиг бактериологов, освободивших тундру от другой повальной болезни северных оленей — сибирской язвы, — шли по неправильному пути.

Споры сибирской язвы, не видимые простым глазом, были обнаружены в почве, растительности и в болотах тундровых пастбищ. Десятилетиями сохранялись здесь эти опасные микроскопические организмы, и зараженные пастбища на долгие годы выходили из строя — становились запретными.

Вот почему ветеринарные врачи так настойчиво искали микробов в почве и в растительности тундры, а места вспышек этой эпидемии обозначали на картах красной штриховкой карантинных земель.

Олени болели почти каждый год, и к приезду Николаевского карту Большеземельской тундры изукрасила мозаика красной штриховки. Стесненные стада иногда паслись летом на заведомо зараженных — карантинных — пастбищах.

Путешествуя по летней тундре, Николаевский подметил, что олени, пасшиеся на «зараженных» землях, часто не заболели, а на пастбищах, где никогда не было копытки, гибли массами от страшной эпидемии.

Бактериолог решил поискать микробов не там, где их безуспешно искали многие, а в самом олене.

Первые тончайшие срезы кишечника оленя принесли поразительные результаты. Под линзой переливались голубоватой протоплазмой смертоносные возбудители некробациллеза, копытки, — палочки некроза, вызывающие необратимое омертвление тканей.

Первых микробов Николаевский обнаружил в кишечнике больного оленя. Но почему нежные ткани, в которых поселились микробы, не испытывают болезненного угнетения, а нога больного раздулась, ткани омертвели, и никакие лекарства не могли спасти жизнь обреченному оленю?

Невидимка была найдена, но бесчисленные «почему» возникали на тропе охотника за микробами. Долгие годы Николаевский распутывал хитроумный след и, наконец, вырвал еще одну тайну у природы.

* * *

За плечами остались годы странствований по тундре, полные исканий, лишений, борьбы с природой сурового Севера.

На конференции в северном, далеком городе Николаевский сделал доклад о многолетних исследованиях. Взволнованные слушатели столпились вокруг бактериолога. Среди них — специалисты дальних оленеводческих совхозов полярной Якутии. Каждый понимал важность сделанных открытий, ведь эпидемия срывала план, мешала росту этих совхозов.

— Вот доказательства, — тихо говорит бактериолог, раскладывая серию микрофотографий.

Мы с зоотехником Костей рассматриваем кадры, и перед нами раскрывается «биография» невидимого врага.

Оказывается, возбудитель копытки — микроскопическая палочка некроза — живет в кишечнике почти у всех здоровых оленей, не причиняя вреда до тех пор, пока организм животного крепок и состав крови неблагоприятен для развития микробов.

Но вот наступает знойное время года — в тундре появляются тучи комаров. Комары мешают пастись оленям, а люди, не зная еще секрета копытки, избегая карантинных земель, подолгу задерживают оленей на клочках «незараженных» пастбищ. Тысячные табуны быстро уничтожают здесь питательную кормовую растительность, и животным в дальнейшем приходится довольствоваться малосъедобной осокой.

Олени, изнуренные жарой, комарами и плохим питанием, худеют, защитные свойства крови ослабевают, и палочки некроза размножаются в кишечнике с непостижимой быстротой. Но они еще не причиняют вреда. Лишь очутившись на пастбище, микробы превращаются в опасного врага.

— Смотрите... «второе сердце» оленя, — Николаевский положил на стол увеличенную фотографию.

На белом поле причудливо ветвился клубок мельчай-

ших кровеносных сосудов. Клетки микробов с зернистой протоплазмой словно запутались в паутине.

— Что это?

— «Второе сердце» — узел сосудов, питающих копыто северного оленя. Видите, как сложно ветвятся капилляры у рогового чехла? Здесь ворота инфекции...

Фотография идет по кругу, и мы с Костей долго рассматриваем сплетение сосудов.

Около венчика копыта у ослабевших оленей прекращается ороговение поверхностных клеток, устья волосяных луковиц раскрываются. Подолгу задерживаясь на тесных пастбищах, олени разминают копытами зараженный помет. Палочки некроза проникают через раскрывшиеся устья на дно луковиц, укореняются в кровеносных сосудах «второго сердца» и, получая обильное питание, отравляют ткани.

— Но почему биологи так долго не замечали микробов на пастбищах, где паслись олени? — спрашивает Костя.

— Почти все охотились за «бессмертной» невидимкой, приписывая возбудителю копытки свойства сибироязвенных микробов, — отвечает Николаевский. — На самом деле палочки некроза жили на земле не дольше мотыльков — пять-шесть дней. Неуловимую палочку биологи искали обычно на пастбищах, где копытка губила оленей в прошедшее лето и микробы давно исчезали, или пристально исследовали растительность и почву тундры, не обращая внимания на свежий помет оленя.

Проверяя опытом свои выводы, Николаевский внес активные палочки некроза в ранки и царапины крепким, упитанным оленям. Это был несколько рискованный опыт. И он прошел блестяще. Ни один олень не заболел копыткой.

И тогда Николаевский предложил стереть с карт тундры штриховку ложных карантинных земель и установить систему противозидемических маршрутов с постоянным движением оленьих стад на свежие пастбища с хорошей кормовой растительностью.

В опасное знойное время олени получают необходимое питание и будут в силах бороться с губительными палочками некроза.

Предложение Николаевского вызвало немало нареканий. Люди, цеплявшиеся за обветшалые догмы, ут-

верждали, что использование карантинных пастбищ повлечет чудовищную вспышку эпидемии.

«Безумный эксперимент, — писал один профессор, — причинит миллионный ущерб оленеводству Севера...»

Николаевский собрал необходимые доказательства и, выступив на конференции, предложил испытать свои маршруты в самом опасном очаге эпидемии — в тундрах полярной Якутии.

Мы с Костей недавно получили назначение в Колымский оленеводческий совхоз и собирались лететь в устье Колымы. Копытка уничтожила там половину оленей, совхоз был в тяжелом прорыве, директора сняли, а зоотехника и ветеринарного врача отзывали в Якутск.

Нам предстояло или покончить с копыткой, или разделить участь своих предшественников.

Доклад Николаевского открыл нам глаза, вселил утешительные надежды.

С первым рейсовым самолетом мы совершили прыжок в несколько тысяч километров и очутились далеко за Полярным кругом, в устье Колымы.

Нас встретил бывший директор оленеводческого совхоза, краснолицый, тучный, уже немолодой человек в пыжиковой шапке, оленьей дохе и белых фетровых бурках.

Он радостно приветствовал смену. Ему, как видно, хотелось поскорее избавиться от хозяйства, разгромленного эпидемией. Улыбаясь, он крепко жал руки и быстро говорил:

— Наконец-то, приехали. Не завидую вам, хлопцы, эх, не завидую, и хватил же я лиха с этим совхозом. Все табуны растрепала копытка...

После дальнего перелета я с наслаждением шагал по скрипучему плотному снегу, вдыхая чистый, пьянящий воздух Севера. Крепкий морозец туго стягивал щеки. Вдоль обрыва тонули в снегу бревенчатые домики усадьбы совхоза. Дым из труб прямо подымался к бирюзовому небу почти неподвижными ватными столбиками. Коричневые листовенницы, сгибаясь под тяжестью снега, уходили наверх, к перевалу. Вдали тускло отсвечивала безлесная вершина дикой сопки.

— Упекла пастухов копытка — руки опустили; специалисты на чемоданах сидят — на материк удирать собираются, — тараторил толстяк, не скрывая правды.

Принимая хозяйство, я убедился, что в наследство мы получаем «разбитое корыто». В кабинете ветеринарного врача висела пастбищная карта совхоза, испещренная штриховкой карантинных земель. Чистыми остались лишь клочки летних пастбищ.

Указывая на карту, ветеринарный врач говорит глухим, тоскливым голосом:

— Карантинные земли душат: некуда гнать табуны — опять угробит копытка...

Пальцы его дрожали, и я понял, как измотан этот человек. В далеком Якутске Николаевский словно глядел в воду: и здесь люди, не зная тайны копытки, сами навлекали губительную эпидемию.

Вскоре мы отправились в объезд оленьих стад. Костя хорошо говорил по-якутски, знал немного чукотский язык, и мы легко объяснялись с пастухами.

В просторной яранге старейшего бригадира Кемлина, где сошлись все пастухи, я впервые сообщил им о необыкновенном открытии Николаевского.

Костя сумел очень просто и увлекательно рассказать слушателям о стеклянном увеличивающем глазе — микроскопе, о путешествии невидимых палочек микроба в тканях оленя, о защитных маршрутах.

На раскладной походный столик я водрузил микроскоп и вставил стекла с тончайшими срезами пораженной ткани. Серию препаратов нам подарил в Якутске Николаевский.

Пастухи, мягко ступая, подходили к столику, осторожно трогали своими мозолистыми руками блестящие позолоченные клеммы и, смешно щурясь, приникали к окуляру. В ярком поле микроскопа мерцали крошечные клетки микробов с голубоватой протоплазмой, увеличенные в две тысячи раз.

Удивленные восклицания сыпались на всех языках тундры. Сквозь линзы микроскопа люди своими глазами заглянули в невидимый мир.

Прирожденные оленеводы быстро оценили простые, ясные советы Николаевского. Ложные карантинные пастбища мертвой петлей душили табун. Спасительный маршрут намечали тут же, у микроскопа. Пастухи припоминали каждый приметный холм, каждое подходящее урочище, каждый клочок пастбища с питательной растительностью.

В две недели мы объехали все стада оленеводческого совхоза и заключили крепкий союз с пастухами.

Вернувшись на усадьбу, Костя разрисовал цветной тушью на пастбищной карте новые маршруты стад в Западной и Восточной тундре. По линии каждого маршрута мы отметили места и сроки стоянок. Получился настоящий график движения оленьих стад.

Сеть наших маршрутов повсюду пересекала штриховку карантинных земель, словно зачеркивая ее.

Известие о необыкновенных маршрутах облетело тундру. Старожилы, вспоминая тяжелые удары копытки, с нетерпением ждали лета.

...Костя ходил сумрачный и молчаливый. Непокойно было и у меня на душе. Наши подписи стояли на бланках новых маршрутов. Мы принимали на себя всю тяжесть ответственности.

Весна наступила дружная и теплая, предвещая жаркое комариное лето. Все чаще звонили из райкома — справлялись, вернулся ли из стада инструктор. Он выехал в тундру, не посчитавшись с распутицей, и объезжал пастушеские бригады совхоза.

По-разному встречали меня в районном центре, когда приходилось заезжать туда по делам совхоза. Одни — настороженно и сухо, другие — соболезнующе, словно жалея в неминусимой беде.

Вскоре появились комары, и специалисты совхоза спешно выехали в стада «на летнюю эпидемию», как привыкли тут говорить.

Первые хорошие известия о движении стад привезли кольцевики — ловкие и выносливые ездоки на верховых оленях. Флажками я обозначил на карте табуны. Маленькие знамена на булавках растянулись у южной границы летних пастбищ, словно отмечая извилистую линию фронта. Табуны вступили на карантинные земли.

Прошла неделя. Началось знойное комариное лето. В прошлом году в эти дни уже свирепствовала копытка. Я ходил, как помешанный, ожидая тревожных вестей.

Проклятый телефон трещал не умолкая. Звонили из райкома, райисполкома, ветеринарной лечебницы и даже из школы и детского интерната. Спрашивали одно и то же: началась ли копытка?

Наконец появился кольцевик из Западной тундры с письмом от Кости. Он писал, что «первое стадо идет

точно по расписанию, благополучно пересекает карантинные земли, копытки нет, пастухи работают, как черти, выискивая лучшие пастбища, и хотят взять переходящее знамя совхоза...»

Прибыли кольцевики других стад, и там копытки тоже не было, она словно провалилась сквозь землю и бушевала у соседей, где оленей по-прежнему пасли на клочках «незараженных» пастбищ.

Теперь флажки рассыпались по всей карте совхоза, и я представлял себя полководцем, выигрывающим генеральное сражение.

И вдруг... точно гром грянул с ясного неба.

На усадьбу прискакал Пинэтаун — комсорг восточной группы стад. Десять часов юноша находился в седле, загнал двух верховых оленей, пробираясь по каменистым сопкам. Он привез тревожное известие: в стадах Восточной тундры оленей глушит копытка.

Спрятав карту с флажками, я сел с Пинэтауном на попутный пароходик, тянувший груженные баржи из Зырянки в порт Амбарчик.

Стада Восточной тундры паслись летом на берегу Полярного океана. Комаров у моря почти не было, пастухи точно выполнили летний маршрут, и никто не ждал там эпидемии.

Что произошло в прибрежной тундре?

Я не находил себе места на палубе: буксирный пароход тащил баржи медленно, как погребальную процессию.

На рассвете караван обогнул скалистый Чайчий мыс. Холодный туман закрывал берег. Смутно просвечивали портальные краны, пакгаузы, пирамиды каменного угля. Пароход оставил баржи на рейде и пришвартовался к пирсу.

Вскинув рюкзаки, мы сбежали на берег, быстро прошли портовый поселок и очутились в пустынной холмистой тундре. Табун нашли в глубокой долине, рассекавшей плато у Медвежьего мыса.

Меня поразила необычная форма болезни. Нагрянувшая эпидемия косила лишь молодых оленей. Опухоль появлялась не у копыта, как обычно, а на суставах передних ног. Олень не мог двигаться и уходил под нож.

Скальпелем я вскрыл опухоль у больного оленя и

приготовил тончайший срез пораженной ткани. В поле микроскопа мерцали знакомые голубоватые клетки.

Как проникли палочки микробов в сустав, минуя «второе сердце» — узел кровеносных сосудов у копыта?

Пастухи окружили столик с микроскопом. Рассматривая микробов, бригадир спросил:

— Как будешь спасать табун, а?

Я молчал, не зная, что ответить. Оленей губила никому не известная форма копытки.

Ночью в палатке меня разбудил пронизывающий холод. Набросив ватник, я вышел наружу. Августовская ночь была светлой, и в синем небе мерцали лишь самые крупные звезды. Яранги стойбища тонули в сизом тумане. Вероятно, холодный воздух скапливался на дне горной долины, как в ванне...

Простая догадка осенила меня. Я бросился в палатку, развязал рюкзак, вытащил футляры с термометрами и стал тормозить Пинэтауна.

Юноша испуганно высунулся из спального мешка, не понимая, что случилось.

— Скорее одевайся, температуру мерить пойдем...

— Куда?

— На сопку...

— На сопку?! — удивился Пинэтаун.

Николаевский заразил меня исследовательской горячкой. Выезжая в стада, я возил с собой метеорологические термометры, барометр и ветромер, вел наблюдения за погодой, собирал гербарий и даже писал дневник, не обращая внимания на Костины шуточки.

Теперь термометрыгодились.

Через полчаса дежурный пастух, дремавший у табуна на берегу тундровой речки, внезапно проснулся. Он остолбенел, увидев нечто необычайное.

Мимо уснувшего табуна к дальнему склону плато мчался Пинэтаун с блестящей трубкой в руке. Навстречу с вершины спускался по каменистой осыпи новый директор совхоза.

И вдруг оба остановились и стали крутить перед собой веревки со сверкающими трубками, словно собираясь метнуть старинные чукотские дроты.

В полдень мы повторили эксперимент. Я поднялся на плато и принялся крутить праш-термометр, привязанный на шнурке.

На дне долины у стойбища Пинэтаун крутил второй, запасной, термометр. Вокруг Пинэтауна на корточках расположились пастухи ночной смены, с любопытством ожидая дальнейших событий.

Результаты опыта поразили меня. Ночью на дне долины, где скапливался холодный воздух, термометр показывал минус один градус, у основания сопки, едва приподнятой над долиной, было теплее — плюс пять градусов, а на плато, откуда весь холодный воздух стекал в долину, было совсем тепло — плюс двенадцать градусов.

В полдень на дне долины воздух нагрелся до тридцати градусов, а на плато, где гулял ветерок, температура почти не изменилась и ртуть не поднималась выше восемнадцати градусов.

Термометры рассказали о том, что произошло в прибрежной тундре. Ночью пастухи держали табуны у стойбища в «холодном погребе» — на дне долины. Днем стада также паслись на дне долины, и животные перегревались на солнце. Более слабые, молодые олени, испытывая скачки температуры в тридцать градусов, заболели ревматизмом. Палочки некроза попадали с кровью в ткани воспаленных суставов, укоренялись тут и отравляли клетки.

Получив срочное предписание, Пинэтаун на лучшем верховом олене ускакал в соседний табун. В этот же день оба табуна покинули опасную зону холодных приморских туманов и ушли в глубь тундры. Ночью и в жаркое время дня пастухи стали держать оленей на плато, где суточная температура была постоянной.

Эпидемия сразу же прекратилась.

Стоит ли говорить, что в это лето мы навсегда избавились от копытки. Впервые совхоз выполнил план. После осеннего пересчета оленей к нам пожаловали гости из оленеводческих колхозов перенять опыт.

Вместе с ними мы написали длинное благодарственное письмо Николаевскому...

ТРУБКА И КИСЕТ

В

здор и чепуха!

— Но Снежинка опять принесла олененка позднее всех важенок...

— Случайность, случайная наследственность, — не унимался Костя.

Перед нами на пестром ковре ягельников, среди тощих кустиков богульника свернулся крошечный олененок. Мать — белая, как снег, важенька, — обласкав малютку шершавым языком, отпрянула в сторону и, тревожно раздувая ноздри, смотрела на людей темными влажными глазами.

Олененок появился на свет четверть часа назад и сейчас упирался крошечными копытами в пушистый мох, пытаясь встать на длинные дрожавшие ножки.

Кругом простиралась голая, обдугая ветрами Западная тундра. Весна растопила снег, утрамбованный зимними пургами. Проталины соединялись на плоской равнине в причудливый узор, окружая ноздреватые, поседевшие снежинки.

Синеватые весенние облака лениво плыли в вышине, отражаясь в спокойных озерах талой воды.

В прошлом году Снежинка также уложила новорожденного олененка на теплый ковер проталины.

Это было удивительно. У нас, в низовьях Колымы, чукотские важеньки приносили детенышей необычайно

рано — в апреле и начале мая, на месяц раньше, чем в тундрах европейского Севера. Как назло, во время отела в колымских тундрах свирепствуют предвесенние пурги и снег покрывает землю. Тысячи слабых новорожденных оленят замерзают на холодном снежном покрове.

Как ухитрялась Снежинка обманывать природу и рождать детенышей позднее всех важенок табуна, избавляя потомство от губительных пург?

Я искал объяснения в окружающей среде: ведь она управляет жизнью организмов. Белая важенка, вероятно, использует никому не известные свои особенности. Смутное предчувствие открытия волновало меня.

— Чепуха, — повторил Костя, выколачивая погасшую трубку, — среда здесь не при чем. Хитрит только белая важенка. Собака зарыта в наследственности, в случайной наследственности организма.

Костя был убежденным генетиком. Это не мешало нашей дружбе, но мы постоянно спорили и не соглашались друг с другом.

— Ставлю трубку против кисета, — воскликнул Костя, — без чужой крови дело не обошлось!.. Снежинка хоть и белее снега, но предки ее убежали из стада и повязались с дикими оленями.

— Ну и что же?

— Снежинка — гибрид, и гон у нее начинается позднее, позднее она и телится.

Неожиданное объяснение казалось правдоподобным. Новорожденный олененок был черен, как головешка, и совершенно не походил на мать. В низовьях Колымы дикие северные олени начинают гон и рожают детенышей на две недели позже, чем одомашненные их собратья.

Может быть, действительно кровь дикого оленя помогла Снежинке?

На Севере я привык размышлять вслух, и Костя тотчас воспользовался этим. Он вытащил свою точеную костаную трубку, преспокойно вытряхнул из моего кисета чудовищную порцию махорки и неторопливо закурил.

— Ловко придумано... — процедил я, отбирая кисет, — по-твоему сроки гона predeterminedены наследственностью разных пород оленей?

— Выходит так, — ответил приятель, невозмутимо выпуская замысловатые кольца дыма.

— И, скрещивая разные породы, ты сможешь управлять отелом северных оленей?

— Конечно... привезу лапландских хоров с Кольского полуострова, повяжу с чукотскими важенками и сдвину отел на позднюю весну, когда пург не будет. Гены есть гены, из клеток их не выкинешь...

Костя попался в расставленную ловушку. Он еще не знал, что у меня в полевой сумке припасена любопытная таблица. Я составил ее, объезжая стада оленеводческого совхоза, разбросанные на просторах Колымо-Инди-гирской тундры.

Костя спрятал трубку, и мы отправились в палатку смотреть мою таблицу, похожую на ребус.

5-10 апреля	0,2	-	-	0,4
11-15	1,3	3,0	0,5	3,9
16-20	7,0	17,6	7,8	21,0
21-25	35,4	44,0	28,5	37,0
26-30	24,2	25,7	35,3	31,0
1-5 мая	12,2	5,9	13,6	5,0
6-10	12,4	3,1	5,0	1,2
11-15	7,3	0,7	5,1	0,5
16-20			2,2	
21-25			2,0	

Инди-гирка
Алазья
Кольская

Аллаиховская тундра
Алазейская тундра
Западная тундра
Восточная тундра

Таблица указывала процент важенок, рождавших оленят по пятидневкам в четырех табунах совхоза. Внизу я нарисовал рельеф тундры, где паслись стада.

Олени в табунах были одной породы, но сроки размножения оказались разными: в горных тундрах массо-

вое рождение оленят начиналось на пятидневку раньше, чем в равнинных. Влияние среды казалось очевидным.

— Ну, где тут твои гены?

Нахмурившись, Костя разглядывал таблицу.

— Ты говоришь — лапландские важеньки приносят оленят на месяц позднее чукотских? — спросил он.

— Да...

— Вот и разгадка твоему ребусу: лапландские и чукотские олени разделены громадными пространствами: тысячелетиями приспособлялись они к разным географическим условиям, и гены закрепили в наследственности заметную разницу в сроках размножения...

— А наши олени?

— Приспособились издавна к местным условиям и постепенно унаследовали пустяковую разницу в сроках гона. — Костя вытащил трубку и опять закурил.

Я не согласился с приятелем и решил искать доказательств прямого действия внешней среды.

На усадьбу оленеводческого совхоза мы вернулись последним санным путем. Лед на Колыме таял и рассыпался на звенящие прозрачные, как слеза, столбики. Образовались широкие забереги; собаки, натягивая постромки, медленно тянули нарты по воде, и мы едва проскочили на правый берег.

Начался грозный колымский ледоход.

В месяц весенней распутицы пришлось писать отчеты. Цветными карандашами мы с Костей нарисовали кривые отела, но объясняли их по-разному.

Однажды дверь в мою лабораторию с шумом распахнулась, и появился Костя необычайно взволнованный. Он протягивал объемистый том в голубом переплете.

— Раскрывай на сто одиннадцатой. Почта прилетела...

Это был сборник трудов института, полученный с первым почтовым самолетом.

Я нашел 111-ую страницу и прочел заголовок, отпечатанный жирным шрифтом: «Сроки размножения северных оленей Евразии».

Автор статьи — профессор ветеринарного института — собрал интереснейший материал в оленеводческих хозяйствах Кольского полуострова, Ямала и Чукотки.

Сроки гона оленей он сравнил с климатом этих рай-

онов и убедился, что гон у северных оленей начинался с наступлением первых отрицательных температур осенью. На Чукотке осенние заморозки наступали раньше на месяц, чем в тундрах европейского Севера и Ямальского полуострова, поэтому у чукотских оленей раньше начинался гон и, следовательно, отел.

Я схватил телефонную трубку и позвонил в районный центр к синоптику аэропорта. Мой вопрос не удивил знакомого метеоролога.

— Опять гениальная идея? Подожди у телефона — принесу таблицы...

Синоптик сообщил показания термометров дальних наблюдательных пунктов. В равнинах Западной и Аллаиховской тундр холода наступали позднее, заморозки запаздывали ровно на пять дней по сравнению с горной Восточной тундрой. Понятно, что гон и отел оленей в равнинных тундрах начинался позднее на пятидневку.

Внешняя среда победила. Костя опустил на лавку и вытащил трубку. Но я не замечал растерянности на его лице, в хитрых глазах зоотехника светились искорки.

— Конец статьи, прочти конец! — взмахнул он зажатой в кулаке трубкой.

Перевернув страницу, я прочел заключение профессора: «Способность реагировать определенным образом на осеннее похолодание представляет прирожденное, наследственное свойство, типичное для той или иной географической расы северных оленей Евразии».

Молча я уставился на приятеля. Ухмыляясь, он протягивал коричневую ручищу за моим кисетом.

...Без сожаления прощались мы с комариным летом. Полтора месяца гудело в тундре облако назойливых насекомых. Спасая оленей от копытки, мы вывели табуны на берега Ледовитого океана, обвеваемые прохладными ветрами.

Теперь стада, покидая полосу приморских туманов, возвращались в глубь тундры на осенние пастбища и готовились к гону.

Костя уехал в Западную тундру отбивать хоров. Он собирался перевезти их на правый берег Колымы и скрестить с важенками Восточной тундры. В следующем году он хотел раздобыть самцов с Кольского полуостро-

ва. Скрещивая географически отдаленные породы, мой приятель думал сдвинуть отел чукотских важенок на более позднее время.

Я считал ошибочным заключение профессора и не верил в Костину затею, но доказать этого не мог. Неожиданная телеграмма из Магадана помогла делу.

В Заполярье мы постоянно ощущали могучее дыхание большого таежного строительства, расположенного далеко на юге в верховьях Индигирки и Колымы.

И вот я держал телеграфное распоряжение из столицы «Золотого Края», короткое, как боевой приказ. Нам предлагали, не мешкая, перегнать из Колымской тундры две тысячи важенок в глубь тайги, поближе к золотым приискам.

Вряд ли представляли в Магадане трудности этого перехода.

Попробуйте забраться в девственную тайгу с двухтысячным табуном полудиких тундровых оленей в грибное время, в период осенних ночей. Олени разбегутся в поисках грибов, и табун растает в гуще леса, как сахар в стакане воды.

И все-таки дальний поход в глубь тайги манил меня. Сама жизнь давала в руки возможного решающего эксперимента. Как поведут себя чукотские важенки далеко в тайге, где заморозки начинались на две недели позже, чем в колымской тундре?

Многое пришлось испытать в этом памятном походе. Мы рубили просеки, открывая дорогу табуну в первобытной чаще, где не ступала нога человека, воздвигали из лиственниц изгороди, удерживая оленей в темные ночи, переправлялись через коварные порожистые реки, пробивались с полудикими тундровыми животными сквозь дым и огонь бушевавших в тот год таежных пожаров, проклиная тайгу, беспокойную кочевую жизнь и день, когда решились пуститься в таежные дебри.

Совершив тысячекилометровый переход, мы вывели оленей к золотым приискам и расположили табун на отел в самом сердце колымской тайги. Терпеливо я ждал результатов эксперимента. Надежды мои оправдались.

Наши чукотские важенки, совершив дальний переход на юг, очутились в местности, где осенние холода запаздывали на две недели. Гон и массовый отел они начали

в тайге на пятнадцать дней позже, чем у себя на родине, в Восточной тундре.

В Магадане счастливый случай свел меня с начальником перегона другой партии чукотских оленей. Табун с Чукотки прошел полторы тысячи километров в глубь тайги, и гон олени провели на высокогорьях хребта Черского. Начальник перегона передал мне журнал отела, и я составил продолжение своей таблицы.

5-10 апреля	0,4	—	—
10-15	3,9	—	0,2
16-20	21,0	0,6	1,6
21-25	37,0	0,5	4,4
26-30	31,0	6,5	14,0
1-5 мая	5,0	13,2	27,0
6-10	1,2	16,2	30,5
11-15	0,5	18,2	15,1
16-20	—	14,0	6,1
21-25	—	10,0	0,8
26-30	—	12,0	0,3
1-5 июня	—	5,1	—
6-10	—	1,5	—
11-15	—	1,5	—
16-20	—	0,5	—
20-25	—	0,2	—

Восточная тундра Горная тайга Высокогорная тайга хребта Черского

На высокогорьях хребта Черского осенние холода наступили раньше на пятидневку, чем в соседней горной тайге, где начали гон наши важенки; раньше разгорелся там гон и отел у пришельцев с дальней Чукотки.

Теперь я имел неопровержимые доказательства. Мои

таблицы, как в зеркале, отразили прямое воздействие среды на сроки размножения северных оленей. Погоня за мифическим «наследственным свойством расы» не могла привести Костю к победе.

Я передал Управлению золотых приисков олений табун, увеличившийся почти вдвое, и вылетел на самолете в устье Колымы. С Костей мы встретились на усадьбе совхоза. Он был мрачен.

Хоры из Западной тундры, конечно, «подвели» и начали гон в такие же ранние сроки, что и самцы в стадах Восточной тундры. Сдвинуть отел важенок не удалось. Моя таблица доконала Костю. Два дня он не разговаривал со мной и, уединившись, часами курил любимую трубку, задумчиво разглядывая таблицы.

На третий день Костя тихо сказал:

— И все-таки она вертится.

Я испугался: уж не рехнулся ли приятель?

— Ты выиграл и проиграл, — продолжал Костя.

— Постой, постой, а таблицы?

— Выиграл потому, что среда действительно управляет сроками размножения северных оленей, и проиграл, ибо гены помогут человеку управлять отелом.

— Хочешь опять скрещивать?

— Скрещивать... но скрещивать избранных. Помнишь диких оленей? Они пасутся в той же среде, что и наши олени, а рожают детенышей на две недели позже, укладывая оленят на проталины.

— Да, это так, но почему?

Дикие олени ведут свирепую борьбу за существование, ранние оленята «дикарей», рождаясь на снег и попадая в колымские пурги, погибают. У диких оленей выживает потомство самок, вступающих в гон позднее — при значительном понижении осенних температур.

— Ого!

Теперь я понял Костю. Сохраняя из года в год жизнь ранних оленят, мы своими руками прибавляем в наших стадах оленей, рано вступающих в гон.

— Твои таблицы указывают правильный путь борьбы. Смотри: в тундре и в тайге десять процентов важенок рожают оленят в поздние сроки. Нужно искать среди них самок, каждый год вступающих в гон позднее своих товарок.

Я вспомнил белую важенку. Это была как раз такая самка. И заметили мы ее повадки потому, что важенка оказалась приметной — белее снега — и выделялась в двухтысячном табуне.

— Нужно отбирать таких самок и позже скрещивать с хорами, — сказал Костя, словно читая мои мысли.

Белая важенка открыла перед нами новые горизонты. Весенние бураны губят тысячи оленят: рождаясь на снег, крошечные телята простывают, заболевают осенью ревматизмом и гибнут от копытки. Если суметь отодвинуть отел чукотских важенок только на две недели, можно сохранить миллионы в народной кассе.

На Черной речке мы с Костей переметили номерами всех важенок и хоров в стадах Восточной тундры. Осенью передвинем табуны поближе к границе леса, где позже наступают заморозки, после гона соединим избранных важенок в племенное стадо и будем разводить оленей с поздними сроками размножения.

Эта длинная история укрепила нашу дружбу, мы перестали расставлять друг другу ловушки и стали меньше спорить — ведь действие внешней среды так сложно переплетается с наследственностью организмов.

Недавно в юбилейном сборнике ветеринарного института Костя отыскал письмо Чарлза Дарвина, написанное в 1876 году, семнадцать лет спустя после выхода в свет «Происхождения видов путем естественного отбора».

Отрывок из этого письма Костя громогласно прочел мне в лаборатории: «По моему мнению, величайшая ошибка, которую я допустил, заключается в том, что я не придавал достаточного значения прямому действию внешней среды».

...Пришлось подарить приятелю свой голубой кисет, шитый бисером, а трубка, точеная из кости, теперь у меня. Вот она, посмотрите!..

ПОЛУОСТРОВ ЗАГАДОК

ОРЛЯТА

К

ратеры вулканов?!

— Вы угадали: раскаленная магма подступает к поверхности и греет эту землю. Полуостров взлетит однажды на воздух, и лава навсегда похоронит его тайну.

— Иначе не объяснишь этого чуда, — горячится топограф, сдвигая помятую шляпу на затылок. — Вы увидите там иной мир: заросли курильской березы и южных папоротников на дальнем севере, гигантские травы, скрывающие всадника, невиданные растения у голубых озер на дне кратеров, а за каменным барьером — пепелища давних поселений, усыпанные расколотыми раковинами, каменными топорами и кремневыми ножами.

— Невероятно...

— Это осколок прошлого, нечто вроде «Земли Санникова», уцелевшей до наших дней.

Топограф сбрасывает шляпу на столик и вытирает клетчатым платком вспотевший лоб, исчерченный тонкими морщинами. Мы коротаем вечер в маленьком кафе на главной улице Магадана.

Манящие рассказы о таинственном полуострове я

уже слышал в приморских поселках. Полуостров лежал в семидесяти милях от столицы самой дальней области на северном побережье Охотского моря и, по свидетельству немногих очевидцев, был островом неожиданностей среди безбрежного моря суровой колымской тайги.

Беседа с топографом явилась каплей, переполнившей чашу. Директор Магаданского краеведческого музея давно собирался исследовать полуостров и даже объявить его заповедником.

Проблема заповедника мало заботит местное начальство, занятое освоением несметных ресурсов огромного Колымского края. А что если перегородить узкий перешеек полуострова поваленными лиственницами и запустить в естественную ловушку несколько тысяч северных оленей из ближайшего оленеводческого совхоза?

Взгляните на карту северного побережья Охотского моря, и вы увидите береговую линию, причудливо изрезанную полуостровами. Изгороди на перешейках наверняка откроют здесь новые хозяйственные перспективы.

Пространную докладную записку оканчиваю словами: «Полуостровное оленеводческое хозяйство снабдит город олениной и не помешает охранять природу заповедного уголка».

План экспедиции на полуостров утверждается с поразительной быстротой.

Затея с изгородью не нравится ученому-краеведу. Ему кажется, что северные олени испортят заповедный ландшафт. Не соглашаюсь с ним, ведь в прошлом дикие северные олени являлись неотъемлемой частью пейзажа охотского побережья. Охраняя природу, человек в нашей стране должен заботиться и о преобразовании ее.

Собираясь в экспедицию, запасаясь метеорологическими инструментами, полагаю, что загадку полуострова помогут раскрыть одновременные наблюдения на южном и северном берегах полуострова и в его высокогорном центре.

Краевед сомневается в успехе экспедиции.

— Для вашей изгороди «метеорологическая гириянда» не понадобится, вряд ли вам утвердят штат наблюдателей.

В этом директор музея не ошибся. Штат наблюдателей действительно не утверждают. Приходится ломать голову, выискивая дополнительные средства.

Помогает случай. В магаданской газете напечатали коротенькую заметку о снаряжении экспедиции на загадочный полуостров. «Советские ученые, — писал восторженный корреспондент, — раскроют еще одну тайну удивительной природы Севера...»

Утром в краеведческий музей, где я готовлю листы для гербария, являются трое ребят. Смущенно переглядываясь, они стоят передо мной, не решаясь заговорить. Самый старший, застенчивый юноша лет семнадцати с необычайно серьезным, почти грустным выражением карих глаз, тихо говорит:

— Возьмите нас в экспедицию... мы очень хотим изучать полуостров.

— Откуда вы?

— У нас каникулы...

— В каком классе учитесь?

— Я в девятом, Воробьев в восьмом, а Юшкевич в шестом, — юноша кивает на худенького тщедушного парнишку с веснушчатым бледным личиком. Он прячется за спиной стройного и тоже не очень-то высокого Воробьева, испуганно поглядывая большими серыми глазами.

— Экспедиция не детский сад, — хмурясь, указываю я на Юшкевича.

И вдруг мальчик смело шагает к столу. Ясные серые глаза его оживают.

— Я все умею: разводить костер, чистить картошку, разгадывать следы, стрелять из лука. Мы пригодимся, возьмите нас...

Речь крошечного Юшкевича веселит меня.

— Как тебя звать, предводитель команчей?

— Орленок!..

Неожиданно приходит в голову простая мысль.

— Вот что, орлята, экспедиции нужны наблюдатели — смелые люди, которые не струсят в глуши полуострова и в любую погоду усмотрят за приборами.

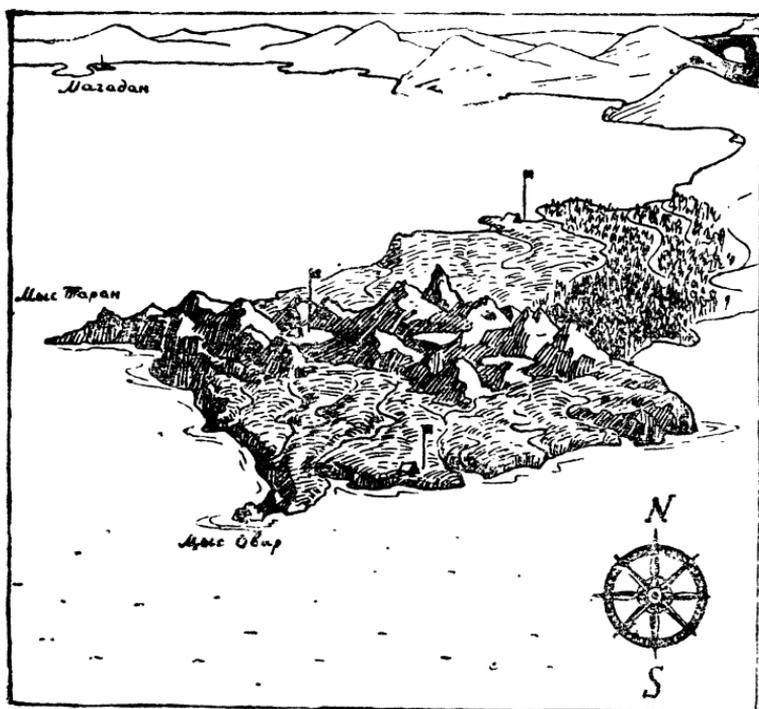
Глаза ребят загораются. Они жадно оглядывают странные очертания полуострова на карте. Юшкевич вытягивается на цыпочках и трогает тонкими пальцами флажки на местах будущих наблюдательных станций.

— В устье Умары высадутся наблюдатели Северной станции, а Южной — на побережье Охотского моря, за каменным барьером. Вот сюда, в кратеры центрального

района, проникнут с приборами наблюдателя Высокогорной станции. Приборы, транспорт у нас есть, а денег для наблюдателей нет. Понимаете, о чем я говорю?

— Нужен исследовательский школьный поход, — быстро отвечает юноша, откинув со лба пряди чуть вьющихся темных волос.

— Да...

— Эх, ребята, эх... — маленький Юшкевич оглядывает всех влажными, блестящими глазами.

Думал ли я, что этот худенький, большеглазый хлопчик окажется через месяц в центре драматических событий на полуострове.

...Теперь наблюдателей у меня, хоть отбавляй. Десять школьников старших классов отправляются из Магадана в исследовательский поход на полуостров.

В городском спортивном обществе ребята раздобыли на поход деньги, получили рюкзаки, спальные

мешки, палатки. Каждый день в тихих залах краеведческого музея появляются связные и докладывают о подготовке похода.

Недоверчиво разглядывая шумных посетителей, директор музея ворчит:

— Будете нянчиться с ними в горах, не дадут они вам работать.

Но «орлятам» не нужна нянька. С кипучей энергией они набрасываются на любое, самое трудное задание и выполняют с поразительной быстротой.

Не повезло лишь Юшкевичу. Школьные врачи не решались отпустить в поход худенького, болезненного на вид шестиклассника.

Накануне отъезда ко мне пожаловал Евгений — девятиклассник, предложивший идею школьного похода. Рассудительного, спокойного Евгения ребята выбрали начальником Южной, самой дальней группы наблюдателей. Вместе с ним является Юшкевич, грустный и подавленный.

— Нужно взять Юшкевича на полуостров, не поеду без него, — заявляет Женя, нахмурившись.

Волосы на его макушке топорщатся, и взъерошенный паренек очень похож на драчливого петушка.

Ультиматум смущает меня. Слишком мал Юшкевич для серьезной экспедиции. Группу Евгения я хочу высадить на глухом Южном берегу полуострова. Цепь скалистых кратеров отгораживает этот пустынный берег. Правда, наблюдателям Южной станции придется жить на постоянном месте, в большой палатке, следить лишь за приборами, но...

— Все равно убегу... — неожиданно всхлипывает Юшкевич.

— Убегит... он мешок сухарей набрал.

Настойчивость ребят трогает меня, и я махнул рукой на возможные неприятности:

— Берите, берите вашего Юшкевича, на мою голову...

Яркий румянец освещает бледное лицо мальчика. Подхватив запасной рюкзак, Юшкевич юркнул в дверь и стремглав кинулся домой — собираться в дальний поход.

В ясное июльское утро мы покидаем широкую скалистую бухту близ Магадана и выходим в плавание.

Косым форштевнем морской катер вспахивает малахитовую равнину океана. Катер тянет на буксире просмоленный десятитонный рыбацкий кунгас. Мягкая зыбь плавно качает кунгас и вместе с ним вьючные ящики, пузатые альпийские рюкзаки, мешки с продовольствием, свернутые палатки и спальные мешки.

Облитый солнцем берег просвечивает в туманной дымке. Зеленый океан колымской лиственничной тайги, надвигаясь с севера, внезапно обрывается у края голых, желтеющих стен, одетых в кружево пены.

Молчаливо толпятся притихшие «орлята» у фальш-борта, прощаясь с родным берегом. Только маленький Юшкевич не замечает уплывающих береговых скал. Скрестив на груди руки, широко расставив ноги, обутые в большущие сапоги, он стоит на баке, пристально всматриваясь в дальний горизонт.

— Что ожидает нас впереди, в дебрях неисследованного полуострова?

Чайки кружат над кунгасом с жалобными протяжными криками. В море то и дело появляются блестящие головы нерп. Стайки черных, словно бархатных, турпанов плавают совсем близко у борта. Над водой со свистом проносятся крыло в крыло, точно связанные незримой нитью, топорки с большими оранжевыми клювами. Они устремляются на северо-восток, по нашему курсу, к птичьим базарам полуострова.

К полудню на горизонте отчетливо проступают ребристые пики полуострова. Они соединяются в длинный хребет. В лощинах по склонам хребта белеют еще не стаявшие снежники. Ближе к перешейку полуострова, где высоты понижаются, снежники пропадают. На западе вершины крутыми уступами спадают к морю, сливаясь с острым гребнем мыса Таран.

Мы хотим миновать этот каменный гребень, далеко врезающийся в море, проплыть вдоль скалистых западных берегов полуострова, обогнуть мыс Овар и высадиться в устье Бургавли на пустынный южный берег.

Но высадиться на полуостров оказывается нелегко. За мысом Таран с моря налетает сильный ветер. От горизонта ползут взлохмаченные свинцовые тучи. Море чернеет и волнуется. Отвесные мокрые утесы западного берега неумолимо приближаются. Пристать негде: бухт

здесь нет, а реки спадают с каменных уступов серебряными лентами водопадов.

Дождевые облака окутывают мрачные зазубренные вершины. Завеса сильного дождя укрывает береговые утесы, но мы явственно слышим пушечные удары волн. Ребята бросаются задрать брезентом снаряжение экспедиции.

Наваливаюсь на рулевое бревно, удерживая кунгас в кильватере, и неожиданно замечаю Юшкевича. Вцепившись в поручни, он высоко взлетает с носом кунгаса, скрываясь в фонтанах брызг. Куртка его вымокла, по зарумянившемуся лицу сбегает вода. Каждую минуту, дьяволенок, может сорваться и угодить за борт.

— Юшкевич, марш вниз! — кричу я не своим голосом.

Мальчик испуганно оглядывается, спрыгивает на дно кунгаса и принимается увязывать с товарищами брезент.

Катер меняет курс, уходит в море, подальше от гибельных утесов. Ребята забираются под мокрый брезент, укладываются на мягкие тюки. С непривычки их укачивает.

Юшкевич пробирается на корму помочь управлять непослушным рулем. В своем ватнике, спускающемся до пят, он приплясывает на мокрой палубе у скользкого набухшего бревна.

Волна тяжело бьет в борт; кунгас, содрогнувшись, валится на бок... И тени страха не вижу на лице отважного мальчика. Большие серые глаза горят боевым задором, он толкает румпель, помогая выровнять кунгас.

— Молодец, орленок... крепче держи руль...

Шторм оканчивается так же быстро, как начинается. Тучу пронесит, и солнце освещает разгулявшееся море. Вдали маячит низкий мыс Овар с гривой пенящихся бурунов.

Под защитой мыса Овар приходится бросить якорь и переждать волнение. Только через несколько часов катер проскальзывает с приливом в устье Бургавли, укрытое песчаными стрелками. Кунгас толкается в пустой, дикий берег, усыпанный галькой, и мы быстро выгружаем снаряжение экспедиции.

На желанный берег со мной высаживаются наблюдатели Южной и Высокогорной станций. В кунгасе оста-

ются наблюдатели Северной станции. К полуночи они должны вступить на северный берег полуострова и установить приборы в устье Умары.

Вскоре катер с кунгасом на буксире скрывается за дальними скалами, и мы остаемся одни на пороге таинственного, неведомого мира, куда не ступала еще нога исследователя.

НЕРАЗГАДАНЫЕ СЛЕДЫ

Ярко светит солнце, шумит прибой, волны лижут приморский пляж, разукрашенный раковинами и лентами зеленоватых водорослей. Ребята, ошалевшие от радости и новых впечатлений, тихо переговариваются, разбирая снаряжение и приборы для Южной станции.

Зарядив на всякий случай карабин, отправляюсь на разведку — выбирать наблюдательную площадку.

Приусловая терраса, покрытая голышами, осталась позади; перехожу вброд неглубокую старицу, иду среди пышной зелени разнотравья. Поражает яркая пестрота луга, не свойственная блеклым краскам севера. Повсюду видны розовые, желтые, синие и фиолетовые цветы, ярко зеленеют листья невиданной на Севере формы.

И вдруг среди пестрого разнотравья замечаю причудливо вырезанный цветок. Он качается на тонком стебельке.

Лилия?!

Да, это лилия, сородичи которой растут далеко на юге, на теплых вулканических Курильских островах.

Вытаскиваю нож и осторожно выкапываю южную гостью, первую ласточку удивительного гербария, собранного мной на полуострове.

В двух шагах, около трубчатых стеблей чемерицы, растет целая семья камчатских ирисов. Чемерица еще не цветет, а крупные бутоны ирисов выпустили лишь фиолетово-бархатные гребешки.

Увидеть лилию вместе с ирисом можно лишь на Курильских островах. Как очутились эти цветы на полуострове, близ Магадана, в суровом царстве северной колымской тайги?

Поднимаюсь на соседний уступ древней морской террасы...

Что за чудо?

Под каблуком сапога мягко пружинит ковер настоя-

щей северной тундры. По земле стелются мхи, лишайники, веточки шикши, курчавится низкорослый сибирский багульник, разрастаются тощие кустики голубики, цветет морошка.

Клочок тундры словно перелетел сюда с дальнего севера. Чем объяснить странное смешение растительности в устье Бургавли? Может быть, приборы Южной станции следует установить на этой древней террасе, плавно поднимающейся к близким сопкам?

Тут и там горбятся невысокие курганы, отмеченные буйной порослью луговых злаков. Курганы теснятся тоже к береговому обрыву. Интересно почему?

Вершины холмов осели и провалились, образуя небольшие кратеры, густо заросшие мятликом и пыреем, а на дне — влаголюбивой осокой и хвощами. Вероятно, в этих воронках зимой скапливается снег, а весной — талая вода. Склоны холмов в зарослях вейника по грудь человеку.

На склоне самого большого холма среди вейниковых джунглей змеится утоптанная тропинка. Узенькая стежка приводит на плоскую, как стол, вершину.

Невольный крик срывается с губ. У ног земля развзрзается черным отверстием квадратного люка.

Осторожно заглядываю вниз. Вижу сухой песчаный пол, усыпанный разбитыми раковинами, кучу золы с обугленными головешками. Вниз спущено бревно, выбеленное временем. Свежие зарубки служат, очевидно, ступеньками.

— Эй, живы, хозяйева?!

Никто не отвечает. Спускаюсь по шаткому бревну в подземелье и чиркаю спичкой.

Землянку вырыли в песчаной почве, перемешанной с морскими раковинами. В углу желтеет примятая подстилка из высушенного вейника...

Спичка тухнет. Мне почудилось, что на полу землянки разложены, точно на музейной витрине, орудия из черного камня. Опускаюсь на колени, быстро зажигаю новую спичку.

На песке тускло отсвечивают три каменных топора, несомненно шлифованных рукой первобытного человека. Рядом стоит плоска, выдолбленная из камня, с беловатым налетом застывшего жира и щепоткой мшистых стебельков.

Светильник?..

Горящей спичкой растапливаю жир и зажигаю самодельный фитиль. Желтоватое пламя колеблется, освещая подземное жилище.

Куча золы с обугленными головешками почти засыпает очаг, сложенный из крупных гольшей. Ножом соскабливаю уголь с головешки и обнажаю сухую древесину тополя, совершенно не тронутую временем. Очевидно, огонь в этом очаге пылал недавно.

В углу землянки валяются потемневшие глиняные черепки. Знакомый орнамент украшает обожженную глину. Такие же черепки хранятся в витринах магаданского музея. Их выкопали в городищах древних коряков на побережье Тауйской губы.

Часть песчаной стены, там, где валяются черепки, осыпалась. Из груды расколотых раковин торчит заостренный костяной наконечник. Отполированная кость пожелтела. Вытаскиваю гладко обтесанный костяной гарпун.

Находки в землянке смущают меня. Курган, несомненно, скрывает вещи древних приморских коряков. Но почему неизвестные обитатели землянки пользовались этими первобытными орудиями еще совсем недавно?

Забираю каменные топоры, черепки, светильник и острие костяного гарпуна, прячу в полевую сумку и выбираюсь на волю.

Черная, как уголь, восточносибирская ворона, нахохлившись, сидит на соседнем холме, точно ворон на могильном кургане.

— Кыш-ш, проклятая..

Ворона не пошевелинулась и, склонив голову с черным клювом, выжидающе поглядывает на меня. Скидываю с плеча винтовку, и хитрая bestия взлетает, злобно каркнув на прощание.

С моря опять дует свежий южный ветер. Рваные клочья белого тумана ползут над потемневшими волнами, задевая пенные гребни. На высокой морской террасе противоположного берега Бургавли виднеются еще десятка два заросших курганов.

Передо мной раскрывается панорама большого городища, никому не известного поселка древних коряков. Триста лет назад селения приморских зверобоев и рыбаков достигали на юге Тауйской губы. Жили они в

полуземлянках, обсыпанных песком и раковинами съедобных моллюсков. В эти жилища коряки проникали через дымовые отверстия в настиле крыш.

Теперь на месте многолюдного поселка в устье Бургавли остались лишь курганы обрушенных землянок, заросшие вейником. Догадываюсь, почему землянки сходятся у края морской террасы. С обрыва как на ладони открывается вся бухта, и древние зверобои с крыш своих жилищ могли следить за приближением добычи — морского зверя и косяков рыбы.

Потомки древних приморских коряков живут сейчас на побережье Пенжинской губы, Северной Камчатки и в бухтах Берингова моря за далеким Корякским хребтом. Они давно объединились в колхозы, построили рубленые дома, коллективно промышляют морского зверя и рыбу, добывают пушнину и даже выращивают овощи.

Почему опустел многолюдный поселок древних коряков в устье Бургавли?

Решаю в свободное время заняться раскопками городища. Ведь за барьером скалистого хребта на необитаемом южном берегу полуострова в обвалившихся корякских землянках можно раскопать нетронутые остатки материальной культуры исчезнувших корякских племен.

В этом убеждает тяжесть полевой сумки, доверху набитой археологическими находками.

Но кто поселился в сохранившейся корякской землянке? Уж не последний ли потомок древних обитателей полуострова?

Выбираю подходящую площадку для метеорологической станции. Выхожу на край обрыва и вдруг вижу внизу на пляже одинокую маленькую фигурку, присевшую за выбеленный ствол плавника.

— Юшкевич?! Ты что там делаешь?

— Скорее, скорее... дикари! — тревожно оглядываясь, кричит он.

Спускаюсь с уступа морской террасы.

— Какие дикари?

— Смотрите: следы дикаря!..

На песке глубоко вдавились следы босой косолапой ступни с оттопыренным большим пальцем. Нога, оставившая след, редкой величины.

— Ого, сорок пятый, номер «снежного человека»!..

— Ушел в море человек-амфибия... — вытаращив

глаза, громким шепотом произносит мальчик, указывая на глубокие отпечатки, уходившие в набегающую пену волн.

След человека и обжитая землянка на пустынном берегу полуострова тревожат воображение. Незнакомец не мог скрыться на дно океана, вероятно, он уплыл в море на лодке.

В примятых зарослях вейника, там, где дюны соединяются с речной террасой, находим сломанное двуперое весло. Здесь неизвестный обитатель корякской землянки прятал легкий челн.

— Куда пропал коряк? — спросил Юшкевич, удивленно оглядывая беспокойное море.

— Не знаю... пока не говори ребятам о следах!

Не хочу тревожить наблюдателей накануне похода к центру полуострова. Запрещение пришлось по душе маленькому фантазеру. Его манит все необычайное и таинственное.

Ребята уже разобрали снаряжение и подготовили приборы. С любопытством ощупывают они орудия из камня и кости, добытые в корякской землянке, и дары моря, найденные в песке.

Близится вечерний срок наблюдений, нужно открывать станцию. Захватив приборы, лопаты, заступ, топоры, сухие жерди и стволы плавника, отправляемся на древнюю морскую террасу. Юшкевич, вооружившись карабином, остается стеречь вещи экспедиции.

«Орлята» зарывают столб для дождемера, устанавливают метеорологические термометры, укрепляют мачту с флюгером и ветромером. Барометр и психрометр решаем хранить по соседству в покинутой корякской землянке.

Ровно в 19 часов Евгений торжественно записывает в журнал первый отчет с приборов. Южная станция вступает в строй.

Палатку для наблюдателей ставим на открытой галечной террасе у места выгрузки экспедиции. Юшкевич, таинственно подмигнув мне, предлагает выстроить ограду «против медведей».

Уже в сумерках складываем вокруг палатки невысокий вал из плавника. Получается маленькая крепость, защищенная бруствером, глубоким руслом Бургавли и протоком старицы.

После ночлега собираюсь выступить с наблюдателями Высокогорной станции в пеший поход к высотам полуострова.

Под шум прибоя и свист штормового ветра крепко засыпаем в теплых спальных мешках, не подозревая, что непредвиденное происшествие задержит выход высокогорного отряда.

Утро наступает ясное, тихое. Солнце освещает дальние пики и яркую зелень рощ на близких речных островах.

Дежурные разводят костер, вешают на закопченный прут ведро с водой. Наблюдатели Высокогорной станции укладывают ношу в рюкзаки. На плечах они уносят в горы приборы, палатку и двухнедельный запас продовольствия.

Собираясь завтракать, не находим Юшкевича. Спальный мешок мальчика пуст. Пропал и мой карабин. Ребята обшаривают окрестности лагеря, кричат и свистят, но никто не откликается.

Будим Воробьева. После ночных наблюдений он заснул последним.

Оглядывая смятый спальный мешок пропавшего, Воробьев испуганно говорит:

— В палатку я вернулся полвторого, Юшкевич спал, укутавшись с головой, карабин лежал вот тут, около изголовья...

На ящике с галетами Евгений обнаруживает журнал метеорологических наблюдений. В 7 часов утра Юшкевич аккуратно записал показания всех приборов. А сейчас было уже девять.

Куда запропастился малец? Невольно вспоминаю вчерашние находки. Угроздило же взять мальчишку в экспедицию!..

Следы пропавшего находим в мокром песке у прибойной полосы. Отпечатки сапог уводят к дальнему скалистому мысу. Отправляю ребят в лагерь готовиться к походу, а сам с Евгением быстро иду по следу.

Над морем проносятся стайки красноклювых тупиков, пролетают черные, будто обсыпанные сажей, бакланы: они тоже спешат к скалистому мысу.

— Птичий базар ищет, карабин взял, — нахмурившись, ворчит Евгений.

Вот следы описывают петлю у груды расколотых

раковин мидий. Перламутровые осколки мягко отсвечивают в лучах утреннего солнца.

Интересно, кто лакомился у моря моллюсками?

Долго пробираемся по берегу и натываемся на мертвую нерпу, выброшенную прибоем. Вся она исколота каким-то острым орудием и раскромсана на части. Судя по следам на песке, Юшкевич внимательно осмотрел странную находку.

Вскоре песчаный пляж упирается в отвесную скалу мыса. Дальше пути нет: волны ударяют в подножие каменной стены, которая отвесно уходит в глубины моря. Следы поворачивают к обрыву и подводят нас к узкой расселине.

Цепляясь за камни, едва не сорвавшись, мы выбираемся на край обрыва.

В этом месте терраса соединяется с крутой осыпью. Она уходит к зазубренной вершине. Примятый мох и сломанные кустики голубики едва сохраняют следы.

— Ушел парень на сопку.. Эх, и будет ему баня!..

На три часа задерживаем высокогорный отряд..

— Смотрите, куда забрался!

Крошечная фигурка темным силуэтом выделяется на экране белого облака. В бинокль я узнаю Юшкевича. С карабином в руке он спускается с вершины, сползая вниз по осыпи.

Долго мы ждем у подножия сопки, ругая маленького бродягу. Наконец, Юшкевич является. Вид у него «красивый»: измазанная куртка, порванные штаны, вспотевшее лицо в полосах грязи и взъерошенные, как иглы у ежа, вихры.

Не успеваю дать ему взбучки..

— Полуостров взлетит на воздух, как у Жюль Верна, — выпаливает Юшкевич.

— Что-о-о?

— Скалы дымят..

— Дымят скалы?

— Там, — взмахивает карабином мальчик, — из трещины дым валит..

Юшкевич рассказывает о своих похождениях. Выполнив утренние наблюдения, он оставил журнал в палатке, взял карабин и пошел «обследовать берег». На сопку его завел азарт исследователя. С большим трудом вскарабкался он на вершину. Разрушенный гребень

оказался узким, «как лезвие ножа», к небу «торчали каменные перья». Отвесными стенами обрывалась сопка к морю, образуя «затопленный кратер, невидимый с моря». Внизу из темной щели в стене «этого кратера, залитого океаном», поднималась струйка синего дыма.

— Дым поднимается из вулканической трещины, будет землетрясение, — почти шепотом оканчивает паренек свой фантастический рассказ.

— Спуститься к трещине можно?

— Можно... по веревочной лестнице или забраться снизу... если заплыть в кратер на лодке с моря...

Юшкевич, очевидно, сделал интересную находку. Вероятно, вулканические газы вырываются там наружу. Следовало бы осмотреть фумаролу после альпийского похода, а сейчас нужно спешить установить приборы Высокогорной станции.

Запрещаю Юшкевичу отлучаться впредь из лагеря.

БУРГАВЛИ

Лишь к полудню с тяжелой ношей за плечами мы покидаем морской берег и уходим вверх по течению Бургавли в глубь полуострова.

Выстроившись у защитного вала, наблюдатели Южной станции провожают нас прощальным салютом. Евгению я оставил свой карабин. Воробьев палит из охотничьего ружья, Юшкевич машет луком, согнутым из гибкого стволика березы.

Стволик камчатской березы он выловил из реки. На охотском побережье в окрестностях Магадана простирается северная тайга, и березы тут нет. Откуда горная река принесла это деревцо?

В долине Бургавли перед нами открывается загадочный зеленый мир полуострова.

В светлых рощах чозений — высокоствольных древовидных ив с темной морщинистой корой — тонем в буйном разнотравье. В колымской тайге ивовые рощи постоянно встречаются в речных долинах, на галечных и песчаных островах. Но в рощах на берегах Бургавли поражает высокотравье, разрастающееся среди деревьев в непроходимые джунгли.

Двухметровый вейник, похожий на камыш, зонтики дудника над головой, высокие свечи иван-чая, гигант-

ская крапива и... камчатский шелкомайник — такие травы обычны лишь для ивовых рощ Южной Камчатки и Курильских островов.

Среди чозений, словно ископаемые мастодонты в стаде оленей, вздымаются могучие стволы одиноких тополей. Трудно определить в этой чаще высоту прищельцев с юга. Эти деревья мне напоминают далекое Черноморское побережье Кавказа. Там иногда встречаются такие великаны.

Полоса густых рощ оканчивается, выходим на сухие и плоские террасы, заросшие мелким ольховником и куртинами приземистого кедрового стланика. У протоков растут тополя с причудливо разветвленной, словно раздавленной кроной, напоминающие среднеазиатский карагач.

Вскоре кедровый стланик постепенно вытесняет ольху, заглушает разнотравье, сплошь укрывает склоны соседних сопок.

Вступаем в настоящие стланиковые дебри. Вокруг сплетаются изогнутые красноватые ветви в кистях душистой колкой хвои. Ступить на землю негде, и мы, подпрыгивая на пружинистых ветках, шагаем, словно по воздуху, цепляясь и повисая на смолистых сучьях, точно обезьяны. Пружинистые стволы подбрасывают вверх, зажимают рюкзаки, стаскивают сапоги, рвут одежду, больно ударяют зазевавшегося путника.

Путь преграждают иногда стволы стланика невиданной толщины. Упорно ломимся сквозь невообразимые заросли и, выбившись из сил, падаем на узловатые ветви, покачиваясь в лесных «гамаках».

Такие цепкие дебри кедровый стланик образует лишь в субальпийском поясе на Курильских островах и по склонам камчатских сопок. Приходится прорубать тропу. Медленно двигается наш отряд в зеленом туннеле по склону сопки.

Внезапно стланик редет. Выходим на просторную опушку, заросшую стройными деревцами с курчавой зеленой листвой. Они сходятся куртинами и теснят кедровый стланик. Точно лапы погибших гигантских пауков, там и тут изгибаются распластанные корни и сучья высохшего стланика. Выпирая из земли, крошечные деревца порой раздвигают высохшие плети.

Неужели это камчатская береза?

Над порослью совсем еще юных березок по краю опушки поднимается просветленная роща высоких, слегка искривленных берез с черноватой морщинистой корой. Входим в обширный лес из камчатской каменной березы Эрмана.

— Смотрите: папоротники!..

Сбросив рюкзаки, ребята ловят широкие перистые листья. Сыновья северных старожилов, с первого класса учившиеся в магаданской школе, они знают папоротники лишь по рисункам в учебниках.

Давно путешествуя по северу, я не встречал в тайге обитателей тенистых лесов юга. Теперь тонем в папоротниковом море. Это важное ботаническое открытие.

В подлеске удивительной рощи «орлята» находят рябину, жимолость, ольху, малину, а в тенистых распадках — огромные листья камчатского лопуха, похожие на опухала. У подножия толстого ствола камчатской березы фотографирую папоротник рядом с острыми, саблевидными листьями камчатского ириса. Такой снимок можно сделать лишь в лесах Южной Камчатки.

Вид необыкновенного на дальнем севере березового леса с папоротниками волнует меня. Родина каменной березы Южная Камчатка. Однако на своей родине чувствует она себя плохо: не дает поросли, почти не образует сережек, а листву ее часто объедают вредители.

Хорошо разрастаются леса из каменной березы на сухих склонах сопок в Южном Приморье на Дальнем Востоке. Отлично растет ближайшая родственница каменной березы — вязолистная береза — на Курильских островах.

В березовых лесах Камчатки, Курильских островов и Южного Приморья растут папоротники, рябина, жимолость, малина, камчатский лопух.

Чем объяснить буйный рост курильских и камчатских растений на таинственном полуострове среди тайги северного побережья Охотского моря? Может быть, действительно вулканическое тепло греет эту землю?

— Сюда, скорее сюда!.. Мертвый лес!.. — пронзительно кричит из чащи Георгий, начальник высокогорной группы наблюдателей.

Выбираюсь на опушку и вижу печальную картину: на пологом склоне распадка, как призраки, стоят мертвые деревья сказочного леса. Не шелхнувшись, застыли

выбеленные дождями сухие стволы камчатской березы. Кора и листва опали, обнажив высохшие стволы и гладкие ветви, похожие на олени рога. Заросли бледно-зеленых папоротников оттеняют мертвенную белизну погибшего леса.

Стучим топорами по голым деревьям, и они звенят, как корабельные мачты.

Что случилось тут, почему березы засыхают и роняют кору? Ведь следов пожара нигде не видно.

Спиливаю сухие, звенящие стволы и пересчитываю годовые кольца. Погибшие деревья все как на подбор одного возраста — семидесяти, восьмидесяти лет.

Загадку мертвого леса удалось разгадать лишь несколько дней спустя...

Удивительная природа полуострова готовит новые и новые сюрпризы. За лентой березовых рощ долину Бургавли стиснули сопки, образуя узкие ворота. Мы вошли в эти ворота и очутились в глубокой долине, закрытой со всех сторон обрывами высоких скалистых гор.

Ну и долина!

Она напоминает вытянутую чашу. Река разветвляется надвое, принимая множество ручьев, стекающих из крутых ущелий. Перевалы в горное убежище обрываются головоломными кручами. В долину ведет лишь один проход — через узкие ворота, которые проточила Бургавли, устремляясь к морю.

Дно кратерообразной долины укрывают заросли поразительного ботанического состава. С непостижимой роскошью здесь разрастаются камчатские и курильские растения.

Вдоль русла высокими колоннами вздымаются тополя неохватной толщины.

Переправившись через быстрый поток, входим в густые тенистые леса камчатской березы. Необычайно высокие деревья сплетаются листвой, укрывая густой тенью тропические заросли папоротников. В таинственном полумраке молчаливо движется наш отряд сквозь дивный лес, напоминающий чащи Кавказа.

Лес прерывается светлыми полянами, и ребята исчезают в гуще высокотравных лугов. Эти заросли могут укрыть всадника. Тропу среди сочных стеблей приходится рассекать охотничьими ножами.

Куда мы попали?

С удивлением разглядываю дикие пуши, чуждые северному побережью Охотского моря. Приходится часто останавливаться — брать редкие растения в гербарий.

Приближаются сумерки. Ноша нестерпимо тянет уставшие плечи. Пора устраивать ночлег. Бивак разбиваем у ручья. Он струится под сенью берез и о чем-то шепчет камням, играя зелеными бородами водорослей. Вода в ручье кажется черной.

Собравшись в кружок у пылающего костра, «орлята» потягивают крепкий чай и, потрясая кружками, вспоминают треволнения минувшего дня.

— Этот лес совсем не похож на колымскую тайгу.

— А папоротники, папоротники, точно в тропиках!

— Обезьян только не хватает.

— Почему растут здесь южные растения, не понимаю?..

— Приборы, приборы тебе ответят, — подражая ему голосу, солидно кашлянув, наставительно басит Игорь.

Приборы, заботливо обернутые рубашками и свитерами, покоятся в рюкзаках. Завтра мы поставим Высокотгорную станцию.

Перешучиваясь, ребята укладываются вокруг костра в спальные мешки и мгновенно засыпают, утомленные трудным переходом.

Костер догорает. Перекладываю в сухие листья драгоценные растения, собранные в гербарий.

Ночь похоронила фантастический лес. В разрывах темной листвы светятся зубчатые вершины и граненые пики, освещенные луной. Между ними запали глубокие тени ущелий.

Смутная тревога давит сердце. Утром мы уйдем в горы через перевал. Имел ли я право оставлять наблюдателей Южной станции одних на морском берегу, где Юшкевич обнаружил следы неизвестного обитателя землянки? Как уберечь их от опасности?

Легкий шорох чудится в кустах. Вдуваю огонь, укладываю в костер здоровенный ствол камчатской березы, забираюсь в спальный мешок, прячу у изголовья заряженное ружье и обнаженный нож и, коснувшись щекой резиновой подушки, словно проваливаюсь в бездонную пропасть.

В АЛЬПИЙСКИХ ЦИРКАХ

...Солнце встречаем на перевале. У ног теснятся ребристые вершины вздыбленной горной страны. Темнеют скальные обрывы и голые осыпи в белых стрелах снежников.

Внизу сквозь утренний туман просвечивают висячие долины и сапфировые озера на моренах.

Склон перевала круто падает в глубокую долину Хиинди. Долина изгибается, рассекая горную страну, и оканчивается круглым глубоким цирком. Сверху он кажется кратером потухшего вулкана. На плоском каменистом дне его блестит озеро, в ложбинах на осыпях лежат снежники.

Кратерообразный цирк — в самом сердце Высокогорья. Верховья Хиинди наглухо заперты островерхими вершинами, сплетающимися в мощный узел.

— Там поставим станцию, — указываю своим ружьем вниз.

— В кратере вулкана?!

— Метеорологические наблюдения в цирке, несомненно, прольют свет на природу альпийских долин, — размышляю я вслух.

Притихшие ребята осматривают с птичьего полета пустой кратер, где предстоит разбить одинокий лагерь Высокогорной станции.

Цепляясь за кусты ольхи и стланика, спускаемся ниже и ниже. Склон перевала внезапно обрушивается в долину хаотическим нагромождением расколотых глыб. Осторожно сползаем и прыгаем по каменным ступеням.

На дне долины бежит быстрая река. Берега обросли высокими кустами ольхи. На крутых каменистых террасах разрастается кедровый стланик. Пробираемся вверх по течению Хиинди, карабкаясь по обрывам террас и россыпям древних морен.

Георгий, исследуя крутые склоны долины, идет трудной дорогой и неожиданно находит между пестрыми глыбами пышно разросшийся куст с кожистыми, как у субтропических растений, листьями и пушистыми корзинками бледно-розовых цветов.

Мне приходилось бывать на альпийских лугах Кавказа, и я тотчас узнаю растение:

— Рододендрон — альпийская роза, прямой потомок древней третичной флоры.

Сбросив рюкзаки, ребята любят невиданным альпийцем. Фотографирую ландшафт с цветущим рододендромом на переднем плане. Впоследствии я не раз сбивал с толку ботаников снимком, который можно сделать, как говорили они, «только в горах Южной Камчатки».

Долго идем вверх по течению Хиинди, и вдруг путь преграждает отвесный каменный порог. Река не может проточить твердых скальных пород и срывается вниз шумным водопадом. «Орлята», помогая друг другу, взбираются на скальную стенку. Стоим на «балконе» высоко над долиной в преддверии цирка. Перед нами открываются ворота в загадочный кратер.

Плоское ложе загромаждают каменные россыпи. Моренный вал удерживает голубое озеро.

Палатку Высокогорной станции ставим у подножия скалистой башни. Пик «Дождемер» — так называют ребята эту причудливую вершину, складывая на берегу озера пьедестал из камня для цилиндра дождемера.

В бинокль различаю среди зубьев на гребне барьера, запирающего кратер, силуэты снежных баранов. Почуввав человека, обитатели альпийских высот скрываются в скалах. Этот барьер наблюдатели окрестили «Стеной баранов».

В 13 часов ребята взяли первый отсчет с приборов Высокогорной станции.

Обнаженные гривы и шлейфы еще не потемневших морен свидетельствуют о недавнем оледенении цирка. На скальных обрывах кратера ясно проступает граница светлых, словно обмытых скал. Выше скалистые стены потемнели от векового загара.

Едва заметный порог отмечает границу светлых скал Стланики ютятся там, подчеркивая эту линию, опоясывающую цирк на постоянной высоте. Прицеливаюсь эклиметром — триста метров над ложем цирка... Не указывает ли угломер толщину ледника, заполнявшего кратер в прошлом?

Погода стоит чудесная. Грызет тревога за судьбу ребят, оставленных на побережье. Решаю не откладывать похода. Уложив в рюкзак трехдневный запас продовольствия, отправляюсь в тяжелый путь по вершинам

и перевалам. Хочу исследовать цирки и моренные озера
висячих альпийских долин.

Преодолеваю головокружительную кручу «Стены ба-
ранов» и поднимаюсь на плечо ребристого пика. Глубо-
ко под ногами, на дне цирка, белеет крошечная палатка
наблюдателей.

Я стою на клочке гольцовой тундры на высоте 1400
метров. Каменистую россыпь устилает ковер сибирских
лишайников: пушистая кладония, зеленоватая аллекто-
рия и черные, скрученные, как проволока, стебельки
брипогона. Ползучие ивняки блестят среди ягельников
глянцевитой листвой, курчавится багульник, прижима-
ются к земле листики безъягодной брусники.

Альпийские высоты полуострова занимает скудная
растительность сибирских гольцов.

Манит близкая вершина. Взираясь по скату, минуя
последний кустик кедрового стланика, дважды слышу в
камнях свист сибирской пищухи и выбираюсь к небу.

Усыпанный расколотыми плитами пик взлетает над
вершинами полуострова.

— Высшая точка... Альтиметр показывает 1550 мет-
ров над уровнем моря. Пожалуй, это высочайшая сопка
магаданского побережья. Вспоминаю недавний разговор
с топографом в Магадане. Называю безымённую верши-
ну — пик «Военных топографов».

Лес горных вершин заслоняет южный берег полу-
острова. Зато отлично виден весь северный берег, а даль-
ше — огромный синий залив Одян и в голубоватой дымке
сопки магаданского побережья.

Приникая к биноклю, ищу устье Умары. Отчетливо
вижу игрушечную пристань рыбацкого поселка и левее, в
устье Малой Умары, синеватую струйку дыма. Свиваясь
в кольца, дымок поднимается из прибрежной зелени.

Сигнал... милые мои орлята...

Три дня с двух до четырех часов наблюдатели Север-
ной станции должны палить сигнальный костер. Дым
означает: «Все благополучно, приборы действуют».

Опускаюсь на камни, стирая пот с лица рукавом
брезентовой штормовки. Яркое солнце слепит глаза.
Полной грудью вдыхаю чистый морской воздух, обве-
вающий вершину.

— Удача!

Теперь на трех станциях четыре раза в сутки ребята

одновременно склоняются над приборами. Что покажут эти наблюдения?

Как хорошо на альпийских высотах, у неба! Видишь сокровеннейшие уголки высокогорья. Внизу — целая семья кратеров, они сошлись в сердце полуострова в царстве скал и каменистых россыпей.

Кажется, стоишь на лунном пике и рассматриваешь голый ландшафт неведомой планеты.

Превращаюсь в верхолаза. Трое суток, останавливаясь на короткие ночлеги, пробираюсь по лезвию гребня с перевала на перевал, штурмуя вершины; опускаюсь в лунные цирки, исследую озера, морены и водопады.

Сапоги не выдерживают бесконечных спусков и подъемов по острым, как бритва, плитам — отлетают подметки. Плоскогубцами прикручиваю подошвы проволокой к ранту: старый и надежный туристский способ починки в пути. Подметки на проволочных скобах не оторвешь и клещами.

Открываются тайны высокогорья. Исследую пятнадцать кратерообразных цирков и убеждаюсь, что это не кратеры вулканов.

В каждом цирке — озера, иногда цепочки, лестницы озер, и везде они лежат на моренах недавно исчезнувших глетчеров. В цирках остались лишь снежники, не успевающие стаять в короткое лето на северных склонах.

Строение морен убеждает, что ледники почти не двигались в замкнутых долинах верховьев. Умирающие льды постепенно таяли, оседали, увлекая осколки пород. Стены рушились, образуя осыпи, ветры и морозы оканчивали работу мертвеющих глетчеров. Рождались круглые карровые цирки, похожие на кратеры.

В нескольких цирках опять засекаю эклиметром линию бывшей кровли ледников. Получаю тот же отсчет: мощность льда достигала трехсот метров.

Кажется, в руках важное доказательство потепления климата охотского побережья? Потепления, охватившего в последнее тысячелетие северное полушарие и, несомненно, уничтожившего ледники в цирках полуострова. Стаяв, они оставили кучи бесформенных морен.

Неожиданно нахожу альпийские снежники, совершенно розовые, будто облитые алыми лучами заходящего солнца. Микроскопические водоросли, не видимые простым глазом, окрашивают тающий снег.

В погоне за неведомым устремляюсь вниз по долине Оратанджи. Эта речка впадает не так далеко на севере в громадный залив Одян. И вдруг наталкиваюсь на плотный, как железо, фирновый снежник. Он прикрывает часть русла. Но и этот вековой снежник тяжело «болен» — тает, раскалываясь на части.

Иду вперед, на север. Альпийский район остается позади, и долина тонет в невообразимых зарослях. Здесь и непролазные ольховники, ивняки и высоченные камчатские березы с необычайно белой для этих деревьев корой. На дне долины попадаются березы толщиной с пивной бочонок. В подлеске необычайно пышно разрастаются рябина, жимолость, разнотравье и папоротники с громадными пальмовидными перистыми листьями.

Березы и папоротники пышностью превосходят березовые леса в долине Бургавли, замкнутые скалами.

Кедровый стланик разрастается у самой воды чуть ли не в деревья и почему-то гибнет на горных склонах. Там он хиреет, хвоя желтеет, и поредевшие ветви опускаются. Вытесняя погибающий стланик, на горные склоны выходят молодые камчатские березы, образуя просветленные рощи.

Постоянно встречая представителей колымской тайги: багульник, карликовую березку, голубику, морошку невиданной на Севере высоты.

Чем объяснить такое смешение флор и гибель стланика на горных склонах в северной части полуострова?

Гербарная папка распухает. Нести ее тяжело. Хватит — поворачиваю обратно к альпийским высотам. Меня интересуют моренные озера...

Снежники тают, питая их. На площади высокогорья в 450 квадратных километров насчитываю семьдесят пять озер. Озера невелики и переливают всеми оттенками голубого и зеленого цветов.

Измеряю температуру воды ночью и днем. Она колеблется от четырех до двенадцати градусов. Повсюду вижу ясные следы векового усыхания озер. Многие замкнутые водоемы сократили первоначальное зеркало на две трети. Осушение и зарастание озерных террас отлично видишь с перевалов, точно с вертолета.

Еще одно свидетельство потепления охотского побережья! Уж не потому ли так пышно разрастаются в долинах южные пришельцы?

Б Е Д А

...Ночной туман окутал ущелье сыростью. После ярких впечатлений альпийского похода не спится. Откидываю полог палатки, заворачиваюсь в одеяло и долго лежу с открытыми глазами, вдыхая прохладный влажный воздух.

Приходит беспричинная тревога.

На мягкой подстилке из сухих трав спокойно спят «орлята». В цирк Хиинди я спустился на третий день к вечеру, усталый, запыленный, в стоптанных сапогах, но счастливый: высокогорное сердце полуострова исследовано.

Ребята в альпийском цирке загорели. Приборы действовали безукоризненно. Метеорологическая площадка с дождемером, с разборной мачтой, увешанной флюгеррами, оживляла ландшафт пустынной котловины.

Хитроумные хлопцы умудрились измерить глубину озера на дне цирка. Чувствительные метеорологические приборы они принесли в горы, обернув автомобильной камерой. «Орлята» надули камеру, Юра заплыл на резиновом баллоне на середину озера и опустил самодельный лот.

Считая цирк кратером, ребята ожидали бездонных глубин. Но самодельный лот показал в самом глубоком месте двенадцать метров. Альпийский поход убедил, что вулканических кратеров на полуострове нет. Сегодня за ужином прочел лекцию о ледниковых цирках.

Палатка тонет в туманной мгле, и я погружаюсь в чуткий, тревожный сон.

Просыпаюсь внезапно, словно кольнули иглой.

Долго ли спал? Почему проснулся? Не знаю. Крутятся обрывки ускользающих мыслей: «Фумарола, проклятая фумарола...» Ага, вспомнил. Видел во сне Юшкевича, и во сне кольнула беспокойная мысль: «Ведь дым, замеченный хлопчиком в укромной бухте с вершины скалистой сопки, вырывался не из вулканической трещины: на полуострове никогда не было вулканов...»

Не там ли нашел убежище человек, оставивший следы на песке? Почему незнакомец избегает людей? Все ли благополучно на Южной станции?

Уснуть не могу. Решаю не отдыхать. На рассвете бу-

жу Георгия, коротко рассказываю о следах на песке и своих опасениях. Предлагаю установить в Высокогорном лагере круглосуточное дежурство. Передаю Георгию свой бинокль.

Не хочу будить ребят. Тихо собираю рюкзак, прощаюсь с Георгием и ухожу в утренний туман.

Гонит тревога. Прямо из цирка переваливаю в замкнутую долину Бургавли. Оставляю в стороне «ворота», перебираюсь в тумане через головоломную южную стенку, спускаюсь в широкую, освещенную солнцем, долину и напролом лезу сквозь стланиковые дебри. Вот и разреженные стланики, одинокие тополя с разветвленными кронами. Бегу тропой, проложенной «орлятами» в чозениевых рощах.

Сил нет... Сбрасываю рюкзак и валюсь на зеленый мягкий ковер. После короткой передышки выхожу на открытые луга и приустьевые галечные террасы Бургавли.

Голубая стена моря почти сливается с синевой неба. Четыре часа занял спортивный бросок из цирка Хиинди к побережью.

Наконец-то... вдали у подножия дюн белеет знакомая палатка.

Вижу ограду из плавника. Вскидываю ружье и стреляю в воздух. Из палатки выбегают фигурки. Тревожно бьется сердце: почему только двое?

У палатки вспыхивает в лучах солнца стекло бинокля. Взлетает дымок, и через секунду слышу ответный выстрел. Ребята бегут навстречу.

Впереди Евгений, за ним Воробьев. А где Юшкевич?

Встречаемся у протока. Ребята похудели, тревожно блестят глаза.

— Где Юшкевич?

Евгений молчит.

— Пропал! — кричит Воробьев. — Говори же, Евгений...

— В прошлую ночь... не вернулся с площадки, до сих пор нету...

— Искали?

— Ходили мы на мыс Овар, Воробьев искал тут...

— На мыс Овар, зачем?

— Вчера утром Юшкевича не оказалось в палатке. Пошли искать к сопке — думали, фумаролу ушел смот-

реть. С террасы, где последние курганы, увидели дым на мысе Овар...

— Дым на мысе Овар?

— Взял ружье и пошел. Воробьева в лагере оставил. По берегу нельзя — скалы в море обрываются. Перевалил в долину маленькой речки... Там сквозь лес из чернотвольных берез едва продрался. Два часа шел к мысу. Прихожу: курганов на берегу много, травой заросли. Один курган разрыт. Там теплую золу от потухшего костра нашел. Кругом трава примята, перья валяются и обглоданные утиные кости. А на песке у лагуны следы двух людей...

— Следы людей?

— Один большой, косолапый, как у медведя, другой маленький, наверное Юшкевича, только ноги почему-то босые.

— Куда следы пошли?

— В море, в лагуну, — тихо сказал Евгений. — Весь берег осмотрел, ничего не нашел. Точно на подводной лодке уплыли. И дождемер пропал...

— Дождемер?!

— Утром ни Юшкевича, ни дождемера не нашли, один столб остался.

— Странно...

— В землянке анероид сломали, — добавил Воробьев.

— А термометры?

— Целы Журнал в землянке валялся. Температуру, силу ветра Юшкевич записал, а давление и влажность не успел...

— Зачем ночью его пустил?

— В ночную смену упросился. Карабин, фонарь взял, нож.

— А карабин?

— Пропал вместе с Юшкевичем, — ответил юноша. виновато опустив голову.

— Эх, Евгений...

Но можно ли винить парня? Почему я вовремя не предупредил Евгения о следах, найденных Юшкевичем на пляже? Разве отпустил бы юноша мальчика одного в ночную смену наблюдать приборы? Рассказ о следах на пляже не испугал бы «орлят». Я недооценил своих наблюдателей и совершил непростительную ошибку.

— Мы продолжали наблюдения, — рассказывает Ев-

гений.—Психрометр и запасной anerоид перенесли в палатку: боялись в темноте спускаться в землянку. Ночью ходили к приборам вдвоем. Осталось у нас охотничье ружье. Воробьев смастерил копьё, вместо лезвия привязал нож...

Исчезновение Юшкевича расстроило меня. Неужели старый краевед прав и ребята на полуострове станут обузой? Нужно было опять искать парнишку.

Спешу осмотреть землянку. Песок на полу подземелья взрыхлен, подстилка из сухой травы раскидана.

— Ого, Юшкевича захватили в землянке врасплох, но хлопчик сопротивлялся.

— Смотрите: Юшкевич хватил его барометром...

Евгений показывает пятнышко крови на вмятине никелированной оправы и полустертую цифру в журнале. Он заметил запись только сейчас. Юшкевич успел записать первую цифру отсчета с anerоида и, отбиваясь, вероятно, ударил прибором нападавшего.

— Смелый парнишка...

— Куда увели его, где он? — Воробьев испуганно разглядывает бурое пятнышко на барометре.

— Фумарола, проклятая фумарола, — бормочу я. — Выбираюсь из землянки и бегу к палатке. Теперь я знаю, где искать Юшкевича.

Лодки у нас нет, но можно обогнуть Скалистый мыс на плоту и проникнуть в фиорд, открытый Юшкевичем.

— А карабин? У Юшкевича отняли карабин...

— Сколько было патронов?

— Три в магазине, один в стволе...

— Опасное дело... Хватит уложить троих.

Плыть в фиорд нужно ночью в рассветный туман. Против карабина у нас два охотничьих ружья и внезапность атаки. Вряд ли Робинзон знает, что убежище его открыли. В опасный рейс пойдет Евгений — без гребца не обойдусь: в руках у меня будет оружие. Воробьев останется у приборов.

Днем сносим к палатке сухие бревна плавника, словно укрепляя ограду. Скрываем свой замысел: чужие глаза, может быть, следят за лагерем.

В 19 часов уходим на метеорологическую станцию. Ребята склоняются над приборами, снимают показания и в цирке Хиинди, и в далеком устье Умары. Обшариваю мыс Овар в сильный морской бинокль.

Пусто... на узкой стрелке светятся далекие лагуны, горбятся заросшие курганы землянок. Там тоже был когда-то многолюдный поселок древних коряков.

В палатке не спим, идет работа — строгаем весла. Воробьев в карауле у ограды. Двенадцать сухих бревен тополя готовы для обвязки. Собраны все веревки, сняты оттяжки с палатки. Туманная ночь накрывает море и берег.

Пора...

Взваливаем бревна на плечи, спускаемся к морю. Шуршит песок. Море тихо играет створками разбитых раковин. Туман густой. Слышу шорох шагов и дыхание, а ребят не вижу.

Идем к Скалистому мысу. Там соберем плот. Каменная стенка мыса заслоняет вход в фиорд. Если спустим тут «рейдер», в тумане не собьемся — найдем близкий фиорд.

Теряем несколько часов на переноске снаряжения. Отлив в разгаре, подводные камни обнажены — шероховатые от твердых, как наждак, полипов. Босиком по этой терке не пройдешь — работаем в сапогах. Плот вяжем вдвоем на плоских плитах. Воробьев с ружьем охраняет берег. Прилив зальет камни — и плот всплывет.

Ну и темь... едва различаю выбеленные стволы тополя.

— Прилив скоро...— Голос Евгения отдается в скалах, точно в пустой бочке.

— Ш-ш-ш, тише, у скал есть уши. Успеем...

Два часа вяжем плот, пригоняем уключины и весла. Ночь светлеет, близится рассвет. Где-то вполголоса разговаривают чайки. Туман по-прежнему скрывает все вокруг.

Вода прибывает. Концы связанных бревен лижет наступающее море. Тревожно бьется и замирает сердце. Выбираюсь на берег, протягиваю Воробьеву запечатанный конверт.

— Передашь старшине катера...

— Есть... — шепчет хлопец, прячет письмо за пазуху и отдает последнее ружье, оставляя себе копье. Я сжимаю тонкую, но крепкую руку юноши.

Катер должен подвести на кунгасе вьючных лошадей из Сиглана. Вьюками нужно отправить продовольствие наблюдателям Высокогорной станции.

— Всплываю... — хрипит из тумана Евгений.

Пробираюсь на плот по воде. Отталкиваемся веслами от рифов и выходим в море. Волны нет, едва покачивается. Легкие бревна отлично держатся на воде, и мы налегаем на весла.

В светлеющем тумане проплывает морщинистая каменная стена. Море тяжело вздыхает у подножия скал.

Огибаем мыс. словно во сне, вижу причудливые столбы обрушенных ворот и узкую щель фиорда. Прилив гонит плот в эту щель. Из тумана выплывают нависшие глыбы, готовые придавить непрощенных гостей. Течение стягивает плот в закрытый со всех сторон фиорд.

Заплыли кажется в глубокий кратер, затопленный морем. Брезжит рассвет, туман редет. Черные скалы блестят, сверху сочится вода. Холодный влажный воздух стесняет дыхание.

Вдруг Евгений веслом указывает вперед. Совсем близко сквозь призрачный занавес тумана вижу черную пасть расщелины.

Пещера?!

Течение стихло. В белом облаке тумана плот застыл перед зияющим провалом. Ни звука, мертвая тишина. Стучит сердце. Давит смутное ощущение скрытой, пригваившейся опасности.

Прогремит ли выстрел из отверстия в скалах?

Ждать нельзя. Тихо поднимаю курки ружей. Одностволку кладу на мокрые бревна. Евгений опускает весла, плот скользит к расщелине навстречу опасности.

Откуда взялась смелость? Изловчившись, выпрыгиваем на гранитный цоколь и устремляемся в пещеру. Евгений включает электрический фонарь, чтобы ослепить противника.

Луч света выхватывает из тьмы пустое ложе из сухих трав, золу потухшего костра, полуразбитую выдолбленную лодку, груды хлама в каменной нише...

Ушел из берлоги...

Зола еще теплая. Разгребаю кострище и нахожу тлеющие угли. Исследуем грот. Расщелину образовал чудовищный сброс. Часть скалы осела, фундамент ее уперся в преграду где-то в глубине моря. Схехавшая скала привалилась к отвесной стенке, оставив случайную щель.

В глубь скалы щель уводит недалеко. Путь преграждают глыбы обвала. У входа грот расчищен руками человека. Пол в глубине устилает ложе из сухой травы. Жилище уютное — сюда не проникает дождь, не задувает ветер. Даже пресная вода под рукой. Откуда-то сверху спадает тоненькой серебряной струйкой скальный родник.

В этом убежище можно скрываться годами. Челн, выдолбленный из ствола тополя, сгнил.

Удивительно... следов топора на древесине нет. Челн выдолбили тупым, вероятно, костяным орудием.

Евгений разбирает кучу хлама в каменной нише. Извлекает черепки разбитой глиняной посуды с древнекоряжским орнаментом, сверток истлевших, изорванных в клочья шкур морских зверей, пожелтевшие от времени костяные фигурки, выточенные из морского бивня, иглы из рыбьих костей, куски полусгнивших сетей, сплетенных из травы.

Неужели это древнекоряжские сети из волокна крапивы? Куда мы попали, в пещеру человека каменного века, что ли?

— Ботинок?!

Евгений вытягивает на свет из пещерного хлама громадный стоптанный башмак. Рассматриваю находку, безусловно, XX века.

Здоровенные ржавые гвозди вколочены в сбитый каблук. Кожа ботинка сморщилась и почернела. Вместо шнурков обрывки ремешков из нерпичьей шкуры, мохнатые от серебристой шерсти. В истертой кожемитовой подметке дыра с чайную чашку.

— Что за черт... из дыры торчит угол записной книжки. Невероятное смешение эпох...

Евгений дико вскрикивает и протягивает руку к записной книжке, пальцы его дрожат.

— Дневник, дневник Юшкевича...

Лихорадочно листаю странички, мелко исписанные карандашом.

Старые записи, какая жалость...

Переворачиваю последнюю страничку и вижу буквы, выведенные торопливой рукой. Строчки расплзаются вкривь и вкось:

«В плену у Краба, уплываем ночью в «Бухту смерти».

Жив... опускаемся на утрамбованный пол. Короткая запись непонятна. Ясно лишь: мальчик попал в беду.

— Упустили, Женя: с вечерним отливом увез Юшкевича...

— Кто? Куда?

— Не знаю...

* * *

...В путешествии события часто сплетаются в мертвый узел и кажется, что все пропало и планы экспедиции рухнули.

Тугой узел завязала нам жизнь на полуострове. Загадочное исчезновение Юшкевича спутало все планы. Нужно было, не мешкая, продолжать поиски.

— Но где искать?

Мы собираемся в тесном кубрике катера у морской карты побережья. Южный берег полуострова изрезан бухтами. Где же проклятая «Бухта смерти»? Такого названия на карте нет.

Катер пришел из Сиглана утром. Матросы выгрузили из кунгаса трех вьючных лошадей и пустили их на тучные луга. Пополнился и состав экспедиции.

С лошадьми приехал проводник — семидесятилетний ороц Илья Бабцев. Глаза его под нависшими веками, опутанные сетью морщин, светились добродушием и бесхитростной приязнью к людям. Жесткие черные волосы прикрывала старая кепка. Невысокий коренастый старик одет в телогрейку, штаны из оленьей замши и мягкие летние торбаза.

Вместе с Ильей на берег сошел смуглый молодой человек в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами. На ремне за спиной — четырехлинейка. В карих глазах сквозит решительность и прямота. Это учитель Сигланской школы Михаил Петрович Сабенин.

Ему я писал в Сиглан — просил помочь в найме опытного проводника и вьючных лошадей. И вот старожил края, страстный охотник, влюбленный в тайгу, сам приехал к нам. Занятия в школе давно окончились, и учитель решил поохотиться на таинственном полуострове.

Сабенин тотчас соглашается помочь экспедиции. На

рассвете он уйдет с вьючным караваном в горы—перебросит продовольствие наблюдателям Высокогорной станции и проживет с «орлятами» в пустынном альпийском цирке. В горах он поохотится на снежных баранов и снабдит обитателей лагеря дичью.

В кубрике катера идет совещание. Всех тревожит судьба пропавшего мальчика. Намечаем план поисков, раздумываем, кто увел его.

— Однако худой люди далеко не ходил, в бухте мертвых спрятался.. — вдруг говорит Илья, вынимая из рта трубочку, выточенную из березового корня.

Старый проводник все время сидит на матросской койке, молчаливо покуривая трубочку у открытого иллюминатора.

— В бухте мертвых? Ты знаешь, где эта бухта?

— Старый люди говорил, отец однако давно показывал..

Неповторимым красочным языком старик рассказывает предание орочей о «бухте мертвых».

Лет триста назад орочи, теснимые якутами, вышли на побережье Охотского моря. Здесь они встретили коряков—исконных морских зверобоев. В прежние времена бесконечных раздоров судьба коренных племен магаданского побережья решалась в кровопролитных битвах. Орочи потеснили коряков. Опустели поселки приморских зверобоев от Наяхана до Тауйской губы.

Двести лет назад орочи разгромили последние поселки коряков на южном берегу полуострова Кони. Уцелевший отряд корякских воинов укрылся от беспощадного истребления в дальнюю бухту, прикрытую с суши отвесными скалами.

Долго оборонялись коряки в неприступном убежище. Однажды в темную ночь орочи прокрались на лодках в бухту и задушили часовых.. В ожесточенной схватке погибли остатки древних обитателей полуострова.

Илья снова зажигает свою березовую трубочку и говорит:

— Однако много костей на земле, валяются поломанные копья, потому старые люди «бухта мертвых» место называют..

— Можешь указать это место?

— Однако могу, на Хентанару кочевать надо.

Важное сообщение Ильи определяет план операций.

Решаем действовать наверняка с суши и с моря. Вручаю старшине катера письмо с планом бухты, нарисованным Ильей. Через несколько часов конверт распечатывают в Магадане. Задержать неизвестного помогут пограничники. Тотчас после возвращения вьючных лошадей из цирка Хиинди я с Ильей отправлюсь в поход вдоль южного берега полуострова — блокировать «бухту мертвых» с суши.

Катер ушел. Начался ход горбуши. Бургавли кипят. Река запружена рыбами, плывущими вверх по течению на нерест. В воде тесно, вся река от берега до берега рьябит спинами рыб.

Впервые вижу массовый ход дальневосточного лосося, и это зрелище потрясает силой жизни. Отложив икру, дав жизнь потомству, эти рыбы погибнут. Илья принес маленькую сеть, мы залезаем в живую кашу и зачерпываем у самого берега с сотню полумертвых горбатых рыбин.

Лакомимся великолепной ухой и вкусной лососиной. Набиваем красной кетовой икрой ведра, кастрюли, котелки. Икру едим ложками, как кашу... Здесь можно приготовить бочки дальневосточного лакомства.

Хоть на сердце очень тревожно, все же собираем икру для наблюдателей Высокогорной станции в бидоны и пустые баллоны огнетушителей. Илья и Сабенин уводят вьючный караван с продовольствием в альпийский цирк. Проводив их, я ухожу на мыс Овар с тайной надеждой отыскать новые следы Юшкевича.

В распадке, за невысоким перевалом, заставаю в непролазных березовых джунглях. Камчатские березы заплели ветвями распадок, невиданные вьющиеся растения лианами обвивают стволы и ветви.

Там, где распадок открывается к морю, растут чернокорые березы, похожие на вяз.

Уж не промежуточные ли формы камчатской и курильской березы посчастливилось найти в этом укромном распадке?

Беру в гербарий образцы коры и листву, фотографирую уникальные промежуточные формы двух видов березы. Такому снимку позавидует любой ботаник...

На мысе Овар я не обнаружил новых следов. Два дня спустя мы с Ильей выступили в поход на Хентанару.

В БУХТЕ МЕРТВЫХ

...Лошадь с вьюком падает, и кажется—поднять ее невозможно. Ложбина среди скал завалена каменными глыбами. Всюду чернеют щели и глубокие карманы.

Илья кричит, расстегивая подпругу. Стаскиваю седло с вьюком, проклиная все камни на свете. Лошадь повалилась почти на спину. Кругом перекошенные плиты—ступить копыту негде. Приходится мостить обломками ровную площадку.

Двое суток шли сюда, почти не отдыхая. Нелегко передвигаться с вьючными лошадьми вдоль южного берега полуострова.

Горы обрываются в море. Круто скошенные скаты завалены щебнем. Каменистые россыпи в ложбине выматывают последние силы.

С трудом поднимаем лошадь, ноги ее дрожат и подкашиваются. Дальше пути нет. Илья кивает на ручей, спадающий по глыбам.

— Палатку ставить надо... Лошади спутать ноги...

Совсем близко ярко зеленеют клочок альпийского луга и рощица камчатских березок. Травы и одинокие деревья пышно разрастаются у ручья на ровной площадке, свободной от камней.

— Далеко бухта?

Илья указывает трубкой вверх — на гребень, где торчат зубья.

...Там, за скалистым барьером, ожидает помощи Юшкевич.

Не зря старый следопыт привел в эту ложбину. Из «бухты мертвых» можно выбраться двумя путями: морем на лодке или, карабкаясь по крутой осыпи случайного обвала, через гребень в ложбину. Много лет назад этот путь нашел отец Ильи, преследуя снежных баранов.

Растягиваем палатку в березовой рощице. Выход из бухты на суше блокирован. Илья неторопливо греет закопченный чайник на костре.

— Пошли на гребень, Илья.

— Зачем торопишь, чай пить надо.

Пьем крепкий, почти черный чай. Станный вкус у этого чая. Вяжущий напиток с каждым глотком вливает новые силы.

— Однако дикий чай варил... — усмехается Илья. — Совсем сильным станешь.

Старик протягивает ситцевый мешочек, наполненный мелкими глянцевыми листочками.

— Дикий чай пьешь — по следу баранов долго ходишь...

С любопытством рассматриваю листочки, прошу Илью раздобыть целое растеньице в гербарий.

— Богурчан пойдем — собирай много, полный мешок...

— Эх, Илья, пойдем ли на Богурчан? Парнишку выручить из беды надо.

Илья роется в переметной суме, вытаскивает модную дамскую сумочку и вытряхивает на смуглую ладонь длинные патроны, заряженные тупыми пулями.

— Хорошая сумка, фактория купил, — бормочет старый следопыт, сосредоточенно осматривая пистоны и пробуя, крепко ли забиты пули.

Он заряжает длинноствольную берданку. В руках опытного охотника это грозное оружие. В семьдесят лет старик не потерял остроты зрения и куропатку сбивает пулей на лету.

Заряжаю свою двустволку «медвежьими» патронами — с тяжелыми свинцовыми жаканами.

Путь наверх крут и опасен. Лезем выше и выше, подбираясь к застывшим каменным перьям. Вот и край гребня. Подползаю, осторожно выглядываю и отшатываюсь... Ух! Повис над пропастью. Внизу море, подернутое рябью; плавно кружат белокрылые чайки. Бухта стиснута клещами исполинского цирка.

Зеленоватые волны неслышно лижут обточенные блестящие камни, точно спины уснувших моржей. Вход в бухту стерегут фигурные скалы. Они поднимаются из моря то причудливой пирамидой, то изваянием льва, то грудями разрушенных замков.

Ну и уголок!

Цирк наглухо запирает полукружье висячей долины. Двести лет назад здесь погибли в жестокой схватке последние обитатели полуострова.

Почти от гребня уходит фантастическая лестница глыб и обломков. Если спрыгнуть на эту осыпь, можно сползти по глыбам на дно цирка.

Осматриваю в бинокль скалистую бухту и висячую

долину. Море когда-то заливало размытый цирк. Вижу каждый камень, каждый бугор. Различаю кустики багульника и голубики. Замкнутую долину устилает пестрый ковер лишайниковой тундры. У подножия скального обрыва дно цирка усыпано беловатыми обломками.

— Не кости ли это погибших воинов?

— Однако там убивали коряков, — говорит Илья.

Обшариваю все закоулки висячей долины. Нет и признаков жилья, ни души, белеют лишь кости. Мертвая бухта.

— Нет Юшкевича... неужели погиб?

Старик берет бинокль, щурится, прикивая к стеклам, и пристально рассматривает долину и бухту.

— Люди ушли... флаг оставили.

— Где видишь флаг?

— Хорошенько смотри... пестрый камень на берегу.

Хватаю бинокль, долго осматриваю берег. Вижу ленту морской капусты, бревно плавника, засыпанное галькой.

— Ага, вот пестрый камень и... флажок, маленький красный флажок на палке.

— Кто поставил его?

— Люди... — невозмутимо отвечает Илья. — Ходить надо, смотреть.

Разматываю альпийскую веревку, закидываю петлю на каменный зуб, спускаю конец на осыпь. Обрато на гребень можно выбраться с осыпи только по веревке. Спрыгиваю на груды камней, принимаю котомку и берданку. Помогаю Илье.

Вот так спуск... Сползаем с глыбы на глыбу, проваливаемся в щели между обломками и, наконец, съезжаем с волной щебня в долину.

Бедные штаны... брезент висит клочьями, пуговицы на штормовке сорваны.

Осторожно шагаем по каменистой площадке, усыпанной человеческими костями. Валяются пробитые черепа, переломанные берцовые кости. У нависшей каменной глыбы грудная клетка, пронзенная обломившимся копьём. Рядом топор из черного камня, расколотый надвое. Кости, выбеленные временем, заросли мхом.

Раскопки старинного поля боя помогут когда-нибудь прочесть до конца мрачную страницу прошлого. Кости

рассыпались и у края морской террасы. Вероятно, здесь нападающие столкнулись с авангардом защитников. Развязка трагедии разыгралась в дальнем углу цирка. Сюда отступили корякские воины и, грудью встретив преследователей, погибли в неравной битве.

Печальная картина.

Отвесные стены у моря увиты венками скальных растений. Из трещин сочится вода, и зеленые скалолазы хорошо укореняются тут. Скалы, запирающие бухту, — в птичьих базарах.

Подстерегая добычу, замерли на карнизах бакланы. Из трещин торчат красноносые головки тупиков. Тучи чаек носятся в воздухе.

С пьедестала дальней скалы, похожей на львиную голову, соскальзывают на море тяжелые туши сивучей. Ландшафт бухты напоминает суровые восточные берега Камчатки.

Внизу у пестрого камня торчит в прибрежной гальке штырь с красным флажком.

Вымпел?!

На штанге пристегнут блестящий алюминиевый цилиндр. Отстегиваю патрон, открываю крышку.

Бумага, свернутая трубкой!..

Илья с любопытством заглядывает через плечо. Чайки выются над головой с пронзительными воплями.

— Однако письмо...

Торопливо разворачиваю бумагу и читаю:

«Ждать больше не могу, оставляю вымпел. Ваш парнишка—герой, помог задержать волка. Уходим в Магадан. Плыть в город Юшкевич наотрез отказался, говорит, приборы ждут. Высадим парнишку на вашу базу в устье Бургавли. Сердечный привет, извините — миноносец сносит на скалы...»

Короткое письмо подписал незнакомый лейтенант.

Подхватываю Илью и пускаюсь в пляс. Галька перекатывается, гремит под ногами...

— Тьфу, пусти ты, — отбиваясь смеется Илья. Он тоже доволен, что поиски окончились благополучно.

Теперь пойдем дальше, на Богурчан, исследовать перешеек полуострова.

— Однако быстро ловили, — прищелкивает языком старый следопыт, осматривая пустой алюминиевый патрон вымпела.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

...Последний перевал пройден. Позади осталась горная котловина верховьев Хентанары с густыми березовыми лесами и папоротниками.

На перевальной седловине, впервые за два месяца скитаний, находим лиственницу. Это карликовое деревцо в полчеловеческого роста — предвестник колымской тайги.

Ниже, в долине Богурчана, вздымаются огромные лиственницы. Они принимают иногда облик хвойных деревьев Курильских или Японских островов с плоской кроной и ветвями, похожими на флаги. В лиственных борах много морошки, голубики, багульника.

Начинается царство континентальной сибирской флоры. Исследуя распространение лиственницы на полуострове, прокладываем маршруты во всех направлениях.

Поражает смешение растительности. Ночуем в светлых прирусловых лесах из ветлы. Такие леса пышно разрастаются на Камчатке. В мир лиственничной тайги проникают по горным склонам камчатские березы с папоротниками. Их стволы здесь искривлены, и березовые рощи напоминают дикие фруктовые леса горного Таджикистана.

На перешейке Илья показывает остатки старинной изгороди. Оказывается, пятьдесят лет назад орочи-оленоводы перегораживали перешеек, выпуская тысячные стада оленей на полуостров на вольный выпас.

Осматриваю уцелевшие части поваленной изгороди. Полстолетия назад ее сложили из тонких лиственниц. А теперь вокруг растут толстые деревья. Лиственничная тайга разрастается, наступает на перешеек.

Эх, если построить изгородь на полуостровах северного побережья Охотского моря, можно вдесятеро увеличить оленеводство в приморских колхозах, снабдить оленями Магадан и все поселки Северного Приморья!..

Утоптанная вьючная тропа близ моря ведет к устью Умары, где приютился маленький рыбацкий поселок. По соседству, где-то в приустьевых зарослях Малой Умары, скрывается палатка наблюдателей нашей Северной станции.

Пахнет дымом, поселок близко, лошади бегут рысдой. Редуют лиственницы. Илья выводит маленький караван на морской берег. На севере в дымке маячат сопки магаданского побережья. Берег усыпан раковинами—пустыми хитонами морских ежей, устлан полупрозрачными лентами морской капусты. Зеленоватые волны шипят, играя галькой.

Отлив. Проходим мимо крошечного поселка. Пристань под навесом из веток напоминает свайную хижину папуасов Новой Гвинеи, точно выстроенную по рисунку Миклухо-Маклая.

Настоящий «Берег Маклая»...

Спешим по галечной отмели к зарослям Малой Умары. Не терпится поскорее узнать, все ли благополучно у наблюдателей Северной станции?

Вдруг из зарослей на отмель выбегают полунагие темнокожие люди. На бедрах развеваются зеленоватые ленты.

Папуасы?!

Илья останавливается и, прикрыв глаза козырьком ладони, изумленно разглядывает бегущих.

— Что за люди? Совсем дикие!..

— Ура-ра... наши пришли!

— Да это же «орлята», мои наблюдатели.

Почти два месяца мы не виделись. Ребята окрепли, загорели необычайно и встречают нас, разодевшись в шуточные наряды из морских водорослей. Палатка стоит на песчаной косе на берегу прозрачной Умары, среди живой изгороди разросшихся ивняков.

На вешалах вялится рыба, пестреют шкурки морских птиц для школьной коллекции; на козлах висят сети, сушатся переметы, на песке лежат вентери, плетенные из ивовых прутьев. Стол, сколоченный из досок, уставлен вымытый посудой, начищенными котелками, в песок врыты лавочки. Лагерь наблюдателей похож на стоянку рыбаков и охотников.

Ребята молниеносно развьючивают лошадей, уводят уставших коней на луга.

Нетерпеливо спрашиваю Валерия о приборах. Старший наблюдатель молча поправляет очки и протягивает журнал в клеенчатой папке.

«Полуостров Кони, устье Умары, высота станции два метра над уровнем моря». Переворачиваю титульный

лист. Журнал заполнен аккуратно, без помарок. Видимость, облачность, ветер, температура, влажность, давление... изо дня в день, четыре раза в сутки.

Придирчиво проверяю записи. «Орлята» постарались — ошибок нет.

— Термометры медведь чуть не раздавил, — говорит Валерий, — забрел ночью на площадку. Петя тревогу поднял — прогнали.

Три часа. Пора зажигать последний сигнальный костер. Илья вовремя вывел на Умару: сегодня на вершине пика Военных топографов наблюдатели Высокогорной станции будут ждать условленного сигнала.

Ребята быстро складывают клеть сушняка, прикрывают костер одеялом лесных мхов. Столб темного дыма медленно подымается над зарослями. Наш сигнал означает: «Наблюдения окончены, снимайте Высокогорную станцию». Всматриваюсь через бинокль в далекую вершину и вижу тонкую струйку дыма. Вершина курится, словно действующий вулкан. Наблюдатели горного отряда зажгли ответный сигнал.

Последнюю ночь в устье Умары «орлята» не спят и бродят по лунному берегу, где так хорошо провели лето.

С туманным рассветом приходит катер, и мы погружаемся в знакомый черный кунгас. У опустевшей отмели долго стоит, опершись на посох, Илья, провожая уплывающих. Рядом навьюченные лошади. Старый проводник уйдет по тропе в родной Сиглан. Трудное путешествие сдружило нас. Увижу ли я еще чудесного старика?

Благополучно огибаем мыс Таран. Вдали едва мутнеет низкий мыс Овар. Жадно осматриваю в бинокль скалистые западные берега полуострова. В крутых распадках зеленеют рощи камчатской березы. Море спокойно, и катер, освещенный солнцем, быстро плывет к далекому мысу, ритмично постукивая мотором.

Через час огибаем песчаную стрелку с лагунами. В бинокль вижу мачту с флюгером на метеорологической площадке. Палатки не видно за дюнами.

Стук мотора далеко разносится в притихшем воздухе. Разглядываю пустой пляж.

— Почему не видно ребят? Неужели не слышат звука мотора?

Вдруг на песчаный гребень выбегают фигурки. Раз, два, три, четыре... бинокль дрожит, сбиваюсь со счета. Берег наплывает. Считаю опять.

— Кажется, все...

— Смотрите, Юшкевич!

Вижу крошечную фигурку, отплясывающую дикий танец на пляже.

...С радостью встретились друзья после долгой разлуки. Команда катера отдыхает в устье Бургавли. Якорь поднимем в полдень и уйдем в Магадан — через три дня в школе начнутся занятия. Еще накануне Сабенин благополучно вывел наблюдателей Высокогорной станции на побережье.

«Орлята» радостно упаковывают снаряжение, снимают палатку.

Приятно возвращаться домой после трудной экспедиции. Передо мной на вьючном ящике три метеорологических журнала. Рассматриваю их с жадным любопытством. Оказывается, на полуострове температура воздуха выше, чем на магаданском побережье, на четыре-пять градусов, выше и влажность воздуха — больше выпадает осадков, чаще образуются туманы.

Сравниваю между собой показания приборов на трех станциях. Поразительная разница в климатах...

На северном берегу полуострова мягче и суше, чем на южном. Температура днем на шесть градусов выше, ясных дней впятеро больше, а осадков меньше. В альпийском цирке получены переходные данные: теплее, чем на юге, и прохладнее, чем на севере полуострова.

Так вот в чем дело! Приборы решают загадку ландшафтов.

Морской климат полуострова теплее, а влажность воздуха выше, чем на соседнем сибирском континенте. Поэтому в защищенных долинах пышно разрастаются камчатские и курильские растения. В горных котловинах камчатская флора, некогда занимавшая северное побережье Охотского моря, переживала похолодания, а теперь, в эпоху потепления, стремительно выходит из горных убежищ на склоны сопок.

— А стланиковые дебри и лиственница? — спрашивает Георгий.

— Кедровый стланик пышно разрастается в южном приморском районе, где много влаги, и гибнет в север-

ной части полуострова с более сухим климатом. В «континентальный» угол полуострова, на перешеек, пришла даурская лиственница.

Юшкевич уже рассказал о своих приключениях. Землянку в кургане вырыл Краб — так представился ему незнакомец. Три года назад матерый уголовник бежал из-под стражи и укрылся в дебрях полуострова. Много преступлений лежало на совести этого человека.

На полуострове он жил отшельником. Разрыл курган для землянки, нашел орудия древних коряков, а в кустах кем-то оставленный челн. Охотился на тюленей и за три года совсем одичал. Не отличаясь от краба, ел сырое тюленье мясо, добывал на птичьих базарах яйца, питался моллюсками. Однажды с приливом челн попал в укрытый фиорд, и Робинзон обнаружил пещеру в скалах. Там лежали побелевшие кости человека — вероятно, в этом укромном убежище два столетия назад спасался последний житель разгромленных корякских поселков.

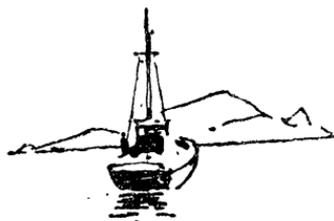
На метеорологическую площадку Краб пришел за дождемером: кастрюли у него не было, в курганах он находил лишь черепки разбитой глиняной посуды, а в дождемере собирался варить суп. В землянке столкнулся с Юшкевичем. Паренек ударил его анероидом.

Краб не решился убить мальчика и увел его. Может быть, беглеца одолевало одиночество?

Задержали Краба военные моряки.

Юшкевич ухитрился вынуть из карабина патроны, и отшельник сдался без боя.

Мы собрались на берегу вокруг догорающего костра. Прощаясь с полуостровом, сжигаем ненужную ограду из плавника. Оглядываю поздоровевших, возмужавших «орлят». Нам посчастливилось исследовать последний остров камчатской флоры, оставшейся среди сибирской тайги, и раскрыть тайну загадочного полуострова.

11 коп.

САРАТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1961